

ЮЛИА
ШИЛОВА

УКРОТИТЕЛЬНИЦА
МУЖЧИН,
ИЛИ ХИЩНИЦА

Юлия Витальевна Шилова

Укротительница

мужчин, или Хищница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119973

Шилова Ю.В. Укротительница мужчин, или Хищница: Астрель, АСТ,

Рипол Классик; 2006

ISBN 5-17-013409-6, 5-7905-2276-9

Аннотация

Все было у Светланы: прекрасная семья, любящий муж, достаток – и все в одночасье рухнуло, как карточный домик. Из обеспеченной супруги нового русского Светлана превратилась в «брошенку», мать-одиночку с двумя детьми, которых не сегодня-завтра буквально не на что будет кормить. И какая бы на ее месте отказалась от заманчивого предложения непыльной работы за хорошие деньги да еще и на берегу Средиземного моря. Но бесплатный сыр, как известно, бывает только в мышеловке, и замечательная работа на поверку оказывается рабством с сексуальным уклоном. Не в силах вынести мучений, Светлана решает бежать из крошечного ада – и попадает из огня да в полымя...

Книга также выходила под названием «Мастерица провокаций, или Одной ночью перечеркнуть все в жизни мужчины».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	66
Глава 6	93
Глава 7	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Юлия Шилова

Укротительница

мужчин, или Хищница

Я согласна жить в мире, которым правят мужчины, до тех пор, пока могу быть в этом мире женщиной.

Мэрилин Монро, американская киноактриса

Глава 1

Я стояла, уткнувшись лицом в оконное стекло, и чувствовала, как по моим щекам скатываются слезинки. Ну вот и все, Светка... Ну вот и все... Закончился очередной эпизод в твоей жизни. Эпизод... Длинною в несколько лет... Психологи утверждают, что самое тяжелое испытание для женщины, — узнать, что ее бросил любимый. Боже, как же они не правы. Самое тяжелое испытание для женщины — это знать, что ее бросил муж.

Мне было чертовски плохо. Господи, кто бы только знал, как мне было плохо. В последние дни я хожу, как лунатик, и едва держусь на ногах. А сегодня... Сегодня я в первый раз за несколько дней посмотрелась в зеркало.

Посмотрелась и пришла в ужас. Мне показалось, что к мо-

им годам накинута еще десяток. С самого начала я знала одно, что мне просто бессмысленно тягаться с молодой соперницей.

Господи, а ведь все так прекрасно начиналось. Мне всегда все завидовали. Такой муж! Красавец! Добытчик!

Семьянин! А самое главное, я-то знала, что он меня любит и мы друг друга понимаем, а счастье – это когда тебя понимают... А может, я ошибалась? После того что произошло, я уже не могу делать какие-то выводы и здраво смотреть на вещи. И все же у нас была любовь, глубокая страсть, родство душ и общность взглядов. Мы понимали друг друга с полуслова... Мы находили друг в друге утешение... Мы...

Я достала платок и вытерла слезы. Больше никогда не будет слова «мы». Теперь будет только одно-единственное слово – «я». Наверно, тогда я была слишком счастлива, слишком открыта и слишком слепа... Я не углядела тот момент, когда в наших отношениях появилась трещина, хотя мне до сих пор кажется, что никакой трещины не было. Просто он стал дольше задерживаться на работе, чаще уезжать в командировки, чаще посещать мальчишники...

Он стал отдаляться, а я не переставала ему верить и, открыв рот, смотрела в его равнодушные и уже какие-то холодные глаза.

Ведь всего несколько дней назад у меня был муж.

Любимый муж. Чудесные дети. Восемилетний Сашка и пятилетняя Катенька... Дети остались. Они мирно спят в

своих кроватках, а проснувшись, спрашивают меня о том, когда вернется любимый папочка. Дети остались, а мужа не стало. Когда я забеременела Сашкой, мой супруг плакал от счастья и буквально всю мою беременность носил меня на руках. «Еще дочка – и считай, что ты отстрелялась», – постоянно говорил мне любимый, пока подрастал Сашка. И скоро я «отстрелялась», а как же иначе!

За Катенькой мой муж приехал на лимузине, таком белоснежном и таком длинном. На глазах у всего роддома он торжественно посадил нас внутрь и повез в новую, только что отремонтированную квартиру. А там...

Шикарный ужин при свечах, шампанское, икра и легкая музыка.... Мы лежали в объятиях друг друга и рассуждали о том, какая на нас теперь лежит ответственность за двоих беззащитных крошек.

У нас была мирная и по-настоящему счастливая семья. Мы любили друг друга, но никогда не говорили об этом вслух. Костик просто старался, чтобы мы ни в чем не нуждались, а я создавала уют и из всех сил делала нашу домашнюю гавань спокойной и тихой. У нас не было не то что ссор, даже размолвок. Иногда Костик нежно обнимал меня за плечи и как-то лукаво спрашивал: «Светка, а ты хоть ревновать-то умеешь?» Я удивленно пожимала плечами: «Зачем?» – «Ну мало ли, а может, я загуляю?!» – буквально корчился от смеха Костик. «От таких женщин, как я, не гуляют, – самоуверенно заявляла я и чувствовала, что слепо верю в то, что го-

ворю. — И вообще ревнуют только те, у кого есть комплекс неполноценности, а у меня его нет. Я полноценная женщина».

Мы прожили вместе ровно десять лет. В этом году у нас была бы круглая дата. До нее мы не дотянули совсем немного — каких-то полтора месяца. А самое главное, что за всю супружескую жизнь у меня не было ни одного — да, да, ни одного! — греха. Понятно какого. Я не изменила своему мужу ни разу. Наверно, это покажется смешным, но я вышла замуж девственницей. Тогда мне было ровно восемнадцать лет. До Костика у меня были, конечно, поцелуи на лестничных клетках, крепкие объятия, но дальше этого дело не шло. Наверно, я была несовременной и именно этим оказалась притягательной для Костика. Если нам дается всего одна жизнь, значит, нам дается всего один мужчина. Именно так считала я и старалась следовать этому правилу.

Все эти годы я считала себя счастливой женщиной, которая пусть и не сделала блестящей карьеры, не получила хорошего образования, но состоялась в семье. Ведь состояться можно не только в работе. Изо дня в день я занималась воспитанием детей, отводила их в школу и детский сад, затем встречала, кормила, делала с ними уроки, гуляла во дворе или ближайшем парке, готовила вкусный ужин и ждала мужа с работы. И так каждый день... И так изо дня в день... Теперь я делаю все то же самое, правда, с трудом и мокрыми от слез глазами... Потому что мне больше некого ждать

с работы. Некого! Никто не позвонит в мою дверь, не поцелует меня в щеку и не наденет домашние тапочки, которые я аккуратно ставлю у самого входа. Никто не ляжет со мной на кровать, не включит телевизор и не будет рассказывать мне о том, как прошел сегодня рабочий день.

Моя кровать совершенно пуста, и я уже успела спрятать вторую подушку в шкаф... Наверно потому, что в ней больше нет необходимости. По ночам я искала рукой родное тело и, не найдя его, заходилась рыданиями. Очень тяжело привыкать спать одной, если целых десять лет ты спала в кровати с любимым. Я всегда знала, что нам хорошо вместе и мы очень привыкли друг к другу, а привычка, как известно, выше нам дана.

Закрыв кухонную дверь, я открыла окно, достала пачку сигарет и жадно закурила. Это были его сигареты...

По вечерам он высовывался в окно, брал чашку чая и закуривал сигарету. Я садилась рядом и постоянно сетовала на то, что в квартире находятся дети, что надо бросать курить и не доставлять неудобств своим близким. Тогда я ругалась, а теперь закурила сама... Бог мой, кто бы мог подумать, что я когда-нибудь закурю... Кто бы мог по, думать...

Я вспомнила тот страшный день, который был совсем недавно. Мое сердце бешено заколотилось, а из груди вырвался громкий стон. Костик, как всегда, пришел с работы... Я протянула ему домашние тапочки. Он прошел в комнату и нервно по ней заходил. В комнату прибежали возбужден-

ные дети для того, чтобы поприветствовать своего отца, но Костик попросил их выйти в детскую, потому что взрослым надо поговорить. Я вытерла руки о фартук и убежала на кухню дожаривать пышные оладьи.

Крикнув Костику на ходу, что мне нужно ровно десять минут, я попросила его переодеться и оценить мои кулинарные труды. Но...

Но Костик сказал, чтобы я выключила газ под оладьями, что он не голоден и что от печеного у него появляется изжога. Я подумала, что у него какие-то трудности на работе, что он просто не в духе и очень устал. И я молча принялась жарить эти злосчастные оладьи, которые раньше Костик постоянно нахваливал и поглощал в невероятных количествах. Я надеялась на то, что сейчас мой муж успокоится, переоденется, зайдет на кухню, как всегда, поведет носом и восторженно скажет о том, как же ему повезло с женой, потому что ни одна женщина на земле не сможет испечь такие оладьи, какие получаются у меня. Но Костик не переоделся. Он буквально влетел на кухню, злобно выключил плиту, схватил сковородку и выкинул еще не дожаренные оладьи в мусорное ведро.

У меня загорелись щеки, словно я стояла на двадцатиградусном морозе без одежды, и застучало в висках.

– Кость, ты что? У тебя на работе неприятности?

– У меня неприятности дома! – громко закричал Костя и стукнул кулаком о стену.

– Тише ты, соседи придут. А что у тебя дома-то?!

Испуганные дети, заглянувшие на кухню, быстро ушли в свою комнату и закрыли дверь.

– Что у тебя дома-то? – повторила я свой вопрос и почувствовала, как на глазах появились слезы. – Дома у тебя все хорошо. Дети, слава Богу, здоровы. Жена тоже.

С голоду не умираем. Так что же случилось?!

– Что случилось? – Костик как-то недобро усмехнулся и метнул в мою сторону безразличный взгляд. – То, что я любил другую женщину.

– Что?!! – я облокотилась о стену и почувствовала, что теряю равновесие.

– Что слышала. Ты вообще понимаешь, что люди могут друг друга любить?!

– Понимаю, – кивнула я головой. – Я люблю тебя, а ты любишь меня.

– Это было раньше. Это было давно, и мне кажется, что этого вообще никогда не было.

Еще никогда в жизни я не видела своего мужа таким жестоким и беспощадным. Мне казалось, что сейчас передо мной стоит не мой Костик, а какой-то чужой, совершенно незнакомый человек. Человек, с которым мы не прожили десять лет и не воспитывали двоих детей.

– Костик, но ты же знаешь, что я тебя очень люблю...

Ты же это знаешь... Я же родила тебе двоих детей. Дочку и сына...

– Лучше бы ты мне их не рожала, – резко перебил меня

Костик.

– Как это не рожала? Ты же меня сам об этом просил. Наши дети не были случайными. Они были запланированными. Они родились в большой любви. Я говорила тебе, что нам достаточно одного, но ты сам просил меня о дочери. Ты говорил, что семья считается полноценной, только если в ней как минимум двое детей.

– Вот именно поэтому мне нелегко от тебя уйти.

Я ухожу с большим и тяжелым камнем на душе. Ты даже не представляешь, что это за камень и как мне с этим камнем придется жить.

– А ты собрался уходить? – я сняла с себя фартук и кинула его прямо на пол. – А зачем? А куда?

– Света, я люблю другую женщину. Я больше не могу с тобой жить!

– Как это? – меня слегка затрясло и замотало из стороны в сторону. – Как это? А как же я, Сашенька, Катя? Как же мы? – лепетала я и молила Господа Бога только об одном – чтобы Он не дал мне сойти с ума.

Костик помог мне встать, усадил меня за кухонный стол, сел напротив и, достав из шкафа бутылку коньяка, налил нам по полной рюмке.

– На, выпей.

– Зачем?

– Затем, что легче станет.

Я выпила полную рюмку и как-то беспомощно захлопала

глазами.

– Костик, скамей, что ты пошутил! Ну, скажи, что это просто глупая шутка. У тебя был напряженный день на работе, настроение соответствующее, и ты решил отыграться на мне и детях...

– Вот этих разборок я боялся больше всего на свете.

Понимаешь, я хочу уйти без всяких объяснений, слез, истерик и сцен. Я полюбил другую женщину, понимаешь?! Полюбил!

– Не надо кричать, – тихонько всхлипнула я. – Не надо мне объяснять, что такое любовь. Потому что я сама очень сильно тебя люблю.

– Мне не нужна твоя любовь. Прости, но это так: она больше не нужна. Света, ты молодая, красивая женщина.

Ты еще сможешь устроить свою судьбу. Ты обязательно кого-нибудь себе найдешь.

– С двумя детьми?

– Люди находят и с тремя. Если человек полюбит тебя, он обязательно полюбит и твоих детей, – без всяких церемоний принялся уговаривать меня Костик.

– Ты называешь наших детей моими?! Но почему?!

Ведь я родила их для нас с тобой. Это наши дети! Понимаешь, наши!

– Я не отрицаю, что это наши дети, – кивнул головой Костик. – Это ты совершенно правильно заметила. Но ты сама знаешь, что при разводе дети остаются с матерью, и от этого

никуда не денешься. Моя будущая жена еще слишком молода для того, чтобы иметь детей, но думаю, что в скором будущем мы их обязательно заведем.

– Как ты сказал? Твоя будущая жена?! Но ведь я твоя жена... – я почувствовала, что земля уходит из-под моих ног и я теряю рассудок. – О какой будущей жене ты говоришь, если у тебя есть я? Я и двое детей.

– Свет, я же тебя попросил. Давай без истерик.

Пожалуйста, я очень тебя прошу. Сейчас я соберу свои вещи и уйду. Квартира, обстановка, шмотки – все остается тебе и детям. Я ни на что не претендую. Ты же знаешь, что я заработаю еще. На алименты подавать не надо. Мы с тобой цивилизованные люди и прекрасно понимаем, что все вопросы надо решить полюбовно. Каждый месяц я буду давать тебе на детей деньги, об этом можешь не переживать. Только...

– Что только? – я посмотрела на своего «чужого» мужа глазами, полными слез.

– Только я буду давать деньги на детей. Я не могу их давать на тебя. Сама понимаешь, что я больше не в состоянии оплачивать твои женские безделушки и шмотки.

У меня теперь новая, молодая семья, и нам требуются конкретные деньги. Светка, ну что ты так смотришь?!

Ты хоть понимаешь, о чем я тебе говорю?!

– Не понимаю, – я отрицательно покачала головой и подумала о том, что так оно и есть: я действительно тогда не

понимала, что творится и почему Костя говорит подобные вещи. Мне всегда казалось, что такая старая, как мир, история может случиться где угодно, с кем угодно, но только не в моей семье.

– А что тут непонятного?! – еще больше вспылел Константин. – Свет, короче, я собираю вещи и ухожу.

Ты же знаешь, что я на дух не выношу подобные разбирательства!

Увидев, что Костик направился в спальню прямо к платяному шкафу, я слегка застонала и почувствовала, что мне невыносимо больно, так больно, что хотелось заорать на всю квартиру, схватиться за голову и упасть на пол, плача навзрыд. Костик достал свой импортный чемодан на колесиках, который он приобрел для заграничных командировок, и принялся швырять в него свою одежду.

– Костик, ты что делаешь? – задала я глупый вопрос.

– Собираю вещи.

– Зачем?

– Затем, что Я ухожу. Я же уже тебе это объяснял.

Неожиданно в дверях появились дети и посмотрели на собирающего чемодан отца непонимающим взглядом.

– Мам, а что тут происходит? – спросил сын как-то по взрослому.

– Папа уходит, – еще больше растерялась я.

– Папа, ты уезжаешь в командировку? – смягчила ситуацию дочь, надеясь на положительный ответ.

Набив чемодан доверху, изрядно вспотевший Константин посмотрел на детей и, смахнув пот со лба, сжал губы в одну линию. Так он делал всегда, когда был сильно разгневан и особенно зол.

– Дети, пойдите в свою комнату. Нам с мамой надо поговорить. Папа едет в долгую командировку, а мама помогает ему собрать вещи.

– А когда ты вернешься? – довольно серьезно спросил сын и, словно чуя неладное, прищурил глаза.

– Я не знаю. Я сам пока ничего не знаю. Да пойдите же вы в свою комнату!!! И закройте дверь! – Константин, никогда ранее не повышавший голос на детей, заорал что было мочи.

Перепуганные дети молча поплелись к себе и, не говоря ни единого слова, закрыли за собой дверь.

– С детьми-то ты так зачем? – я закрыла лицо руками и поняла, что сейчас разрыдаюсь.

– Потому что ты сама виновата.

– Я?!

– Ты!

– Но чем?

– Кричишь на всю квартиру, как сумасшедшая.

Могли бы тихо-мирно все решить, и дети бы ничего не знали.

– Но ведь они все равно бы спросили, где ты.

А я им должна была бы что-то ответить.

Но Костя, по-моему, совершенно не слышал моих слов.

Он встал на корточки, закрыл чемодан и посмотрел на меня каким-то безумным взглядом.

– Светка, ну что, я пошел?

Не получив ответа, он стал как-то пятиться к входной двери и совершенно не к месту улыбаться.

– Я... это... Я если что-то забыл... Я тогда потом заеду.

Тут еще половина моих вещей. Я тебе пока ключи от квартиры не отдаю. Пусть они будут у меня, чтобы тебя лишний раз звонками не беспокоить. Я тихонько дверь своим ключом открою и возьму, что надо. Ты не переживай.

Я вдруг опомнилась и, бросилась следом за своим мужем.

– Костя, а где ты будешь жить?

– У нее.

– А адрес какой?

– Зачем?

– Ну мало ли... Может, с детьми что... – я говорила и чувствовала, как мои глаза заливают слезы. – Может, ты мне срочно понадобишься, а я даже не знаю, где мне тебя искать...

Уткнувшись спиной во входную дверь, Константин растерянно пожал плечами и повел носом.

– Светка, меня искать не надо. Я сам найдусь. Я же сказал, что буду приходить, детей проведывать. Денег на них давать. А прибегать ко мне на новую квартиру и устраивать сцены ни к чему. У моей будущей жены психика слабая. Она просила сделать все интеллигентно и чтобы ее это никаким боком не

коснулось.

– Надо же, как ты ее бережешь. Меня ты так никогда не берег.

– Я же тебе сказал, Светка, что я полюбил. По-настоящему, понимаешь. По-настоящему. У меня такое первый раз в жизни.

– А меня, значит, ты по-игрушечному любил? И двоих детей мне тоже по-игрушечному заделал?

– Я же не помню, Светка, как у меня с тобой было. Просто не помню, и все.

– Я смотрю, у тебя с памятью плохо стало.

– С памятью у меня и в самом деле нелады. У меня она только сейчас прорезалась, потому что я только сейчас жить начал.

В тот момент, когда Костя повернулся в сторону входной двери и положил руку на дверную ручку, я тихо всхлипнула и еле слышно спросила:

– Кость, а она красивая?

– Кто?

– Ну, твоя будущая жена.

– Очень. На нее все мужики на улице оглядываются.

Фотомодель. Ее даже на обложке журнала напечатали.

– Она молодая?

– Двадцать лет, – с особой гордостью произнес мой муж.

– Но ведь у вас разница в десять лет!

– Самая нормальная разница. Сейчас этим никого не уди-

вишь. Сейчас и разница в тридцать лет – обычное дело.

– Но ведь она не будет заботиться о твоём гастрите!

– Свет, я что, такой беспомощный, что ли? Я смогу о нём позаботиться сам.

– Когда ты жил со мной, ты говорил, что заботиться о нём должна я. Мол, ты это делать не в состоянии.

– Когда я жил с тобой, я многое не делал, потому что был не в состоянии. Теперь все по-другому. Я могу идти?

У тебя больше нет вопросов?

– У меня есть один последний вопрос, – произнесла я усталым голосом и почувствовала, как перед глазами все поплыло.

– Ну, валяй, – Костик старался казаться равнодушным, но ему это не удавалось. Уголки его губ подергивались и выдавали заметное напряжение.

– Валяю. А твоя будущая жена знает, что у тебя двое детей?

– Да хоть с десятков. Ей это безразлично...

– Как это безразлично?

– Она сказала, что ей совершенно безразлично, сколько у меня жен и детей. Ей до этого нет никакого дела.

– Как это так? У тебя всего одна жена и двое детей.

– Ну, а дети-то здесь при чём?! Она их что, растить, что ли, будет? На хрена они ей сдались, если она ещё молодая и сама родить может.

– Ну, а на выходные ты их брать не будешь?

– Зачем?

– Затем, что очень многие мужчины привозят своих детей в новые семьи. На праздники или на выходные.

Я знаю много таких примеров.

Константин уже в который раз злобно усмехнулся и посмотрел на меня совершенно чужим взглядом, которым он никогда не смотрел на меня ранее.

– Ну ты, мать, даешь. Ну ты придумала. Может, ты хочешь меня насовсем детьми загрузить и отрываться на полную катушку?!

– Я не понимаю, о чем ты!

– О том, что ты свои женские обязанности хочешь скинуть на чужие, хрупкие плечи. Сама посуди, кому нужны чужие дети?!

– Но ведь тебе-то они не чужие?

– А для нее чужие! Ты давай, дорогуша, детьми сама занимайся и своими проблемами никого не грузи.

У меня сейчас у самого проблем выше крыши Мне красавицу жену обеспечивать нужно, деньги зарабатывать, понятно тебе?

– Выметайся, – процедила я сквозь зубы и начала открывать замок на входной двери.

– Что ты сказала?

– Что слышал Выметайся ко всем чертям... И чтобы я больше никогда в жизни тебя не видела...

– Ну, хорошо, Светик, я выметаюсь. А все-таки зря ты так

со мной. Я же хотел не выметаться, а уйти по-хорошему.

– Ас вами, козлами, по-другому нельзя, – произнесла я обреченным голосом и дрожащей рукой показала на выход.

– Сама такая! – как-то по-детски крикнул Константин и выскочил прочь.

Глава 2

...Стараясь убежать от воспоминаний, я отошла от окна и почувствовала, как меня кинуло в жар. В последнюю ночь я очень долго не спала и постоянно представляла себе, как произойдет наша встреча с Костиком. Он вернется в квартиру, откроет дверь своим ключом и скажет, что забыл что-то из вещей... А может, он придет для того, чтобы повидаться с детьми или передать мне какие-нибудь деньги. Молодая жена хороша только на первый взгляд.

Она вряд ли хорошо готовит. Ей хочется погулять, походить по дискотекам, ночным клубам, посидеть в ресторанах. А мой Костик, он такой домашний... Он так любит и ценит домашний уют. Да и рожать она ему точно не будет. Зачем ей такая обуза? А мой Костик, наверно, уже очень соскучился по детям. Ему не терпится поиграть с сыном в футбол и почитать дочке сказку. Он соскучился по нашей квартире, по родной постели, по моему борщу и, конечно же, по моим пышным оладьям. Он придет повидать детей и поймет, что больше никогда не сможет уйти. Он поймет, что ему всего этого так не хватало, что все это его родное, им же созданное. Он поймет, что не может без нас жить, что он просто ошибся, а любой человек имеет право на ошибку, и от этого никуда не денешься.

От этих мыслей я почувствовала еще больший, все нарас-

тающий нервный жар, страшную тошноту, дрожь в руках и ногах и острую, пронзительную боль в сердце.

Но шел день за днем, неделя за неделей, а Костика все не было. Он не приезжал, не привозил деньги и даже не проведывал детей. Когда я звонила ему на работу, трубку брала его секретарша и под различными предлогами отказывала мне в разговоре с моим собственным мужем. То он занят, то просил ни с кем не соединять, то уехал в командировку, то у него совещание... И так каждый день. Мобильный мужа тоже предательски молчал, а со временем он стал недоступен, и это наталкивало на мысль о том, что Константин просто поменял номер. Я хотела было позвонить свекрови, которая жила в другом городе и часто болела, но побоялась. Возможно, Константин ничего не рассказал матери, и мои слова приведут несчастную женщину в ужас со всеми вытекающими при ее здоровье последствиями.

...Я попыталась жить без него, но я не жила... Я просто делала вид, что живу. Каждый день я задавала себе одни и те же вопросы: за что мой муж так со мной обошелся? Что именно я сделала не так?... На каком этапе я потеряла своего мужа, и он начал искать себе другую? Что есть в той другой, чего нет во мне? Она искуснее в ласках, в любовных утехах? Или она женственнее и красивее?

А может, все куда проще: она не обременена детьми, и у нее вся жизнь впереди? Весь мир лежит у ее ног.

Но зачем ей понадобился именно мой муж? Почему имен-

но он? В двадцать лет можно и холостого найти. Что, «парней так много холостых, а я люблю женатого?» Я изводила себя вопросами и не находила на них ответы.

Я стала искать работу, но в тридцать лет, без мало-мальски приличного образования и с двумя детьми найти ее оказалось весьма проблематично. Зарплаты, которую мне предлагали, нам не хватило бы даже на еду. Тем более Саша учился в частной школе – престижной и весьма дорогой. Костик сам перевел сына в школу для детей новых русских, убеждая меня в том, что это качественно иной уровень по сравнению с нищими государственными школами. Я тогда заколебалась – накладно все-таки, но Костик сказал, что на образовании нельзя экономить.

Я поддалась на его уговоры и только теперь поняла, как я была не права. С уходом мужа мальчику пришлось вернуться в «нищую» государственную школу.

...Так прошло ровно три месяца. Я не знаю, как я их прожила, вернее, просуществовала. Я приезжала к Костику на работу, но меня не пускала внутрь охрана.

Я попробовала устроить скандал, но и это не принесло должного результата. Я пыталась его подкараулить после работы, но он словно что-то чувствовал и не появлялся.

Мимо меня проезжали машины с тонированными стеклами, в одной из которых, возможно, сидел он и не желал вступать со мной ни в какие дискуссии. Спустя три месяца я перестала его ждать. Я вдруг подумала о том, что он не вернет-

ся за своими вещами. Зачем ему старые вещи, если он может купить себе новые?! То же самое я подумала и о детях. Зачем ему старые дети, если его теперешняя спутница может родить ему новых?! Зачем ему вообще старая жизнь, если теперь у него есть новая?! Видимо, он решил расстаться со всем одним махом и вычеркнуть все, что нас связывало, одной жирной красной чертой.

...Я почти не ела, как-то осунулась, постарела и чувствовала, как мою душу стало наполнять безразличие.

Неожиданно мне стало все равно. Все равно, вернется Константин домой или нет. Все равно, как я выгляжу. Все равно, что у меня с катастрофической скоростью заканчиваются деньги и мне вместе с детьми скоро нечего будет есть. Я перестала звонить подругам и изливать душу, потому что почувствовала, как надоела всем со своими проблемами. Когда дети были в школе и детском саду, я лежала на диване рядом с газетой «Работа для вас» и смотрела в потолок каким-то тупым, ничего не выражающим взглядом. Мне вдруг показалось, что я как-то глупо распорядилась своей судьбой. Глупо, потому что я встретила Костика, а не кого-то другого. Я начинала вспоминать своих многочисленных ухажеров, думать о том, как сложилась их жизнь сейчас, жалеть о собственном глупом, раннем замужестве и ругать подлянку жизнь, которая расставляет подобные сети. Перед глазами Константин, торопливо собирающий свой чемодан...

Все случилось так внезапно. Я смотрела на него и совер-

шенно не понимала, что происходит... Я задавала один и тот же вопрос: «За что ты со мной так поступил? Что именно я сделала не так?»

Моя мать, переживавшая и за меня, и за своих внуков, старалась как можно чаще увозить детей к себе, дав мне возможность отойти и хоть немного прийти в себя. Но я не приходила в себя... Я совсем не приходила в себя... Я просто похоронила себя заживо в четырех стенах и начинала представлять себе ту, к которой ушел муж... Мне захотелось увидеть свою соперницу, выдрать ей клоку волос, попортить лицо и внушить ей ту простую истину, что нельзя покушаться на чужую собственность. Но... Я понимала, что дело далеко не в сопернице, дело в моем муже...

В один из таких дней, когда меня особенно одолела депрессия, ко мне приехала моя старая подруга Ленка, с которой мы не виделись целую вечность. Поставив на стол бутылку мартини и коробку конфет, она посмотрела на меня перепуганным взглядом и изменилась в лице.

– Свет, ты чего?

– В смысле? – Совершенно безразлично спросила я, и бесцеремонно налив себе полный бокал мартини, осушила его до дна.

– Ты вообще на себя в зеркало смотришься?

– Зачем?

– Как это зачем? Мне кажется, что любая нормальная женщина должна каждый день смотреть на себя в зеркало.

– А я ненормальная. От нормальных мужья не уходят. Тем более когда в доме двое детей. Значит, я хреновая жена. Хреновая. Иначе чего бы от меня мужик сбежал?!

Может, я ему тапочки плохо подавала? Или как-то раз суп недосолила?..

Я почувствовала, как выпитое martini ударило в больную голову, и закричала что было сил:

– Лен, ну скажи, что именно я сделала не так? Что?!

Что ему не понравилось?!

– Света, успокойся, – приглушенно сказала Ленка и налила мне второй бокал. – Я у твоей матери была. Она мне все рассказала. Ты все делала правильно, не переживай. А насчет того, что мужики только от хреновых баб бегут, ты не права. Мужики иногда с жиру бесятся.

А Костик твой сволочь редкостная. Таковую сволочь еще поискать надо было. Только знай, что с уходом мужика жизнь не заканчивается!

– Ой, только не надо меня жизни учить. Посмотрела бы я, что бы ты делала на моем месте...

– На твоём месте находятся тысячи женщин, и ничего. Никто от этого не умер. Ни один мужик не стоит того, чтобы из-за него умереть! Ни один! Мужиков полно, другого найдешь!

– С двумя детьми?!

– Если бы было трое, нашла бы и с тремя. Повторяю для бестолковых, с уходом этого подлеца, вернее нет, с его побегом жизнь не закончилась. Она только началась, и началась

с нового, совершенно чистого листа.

– Ты у меня прямо, как философ, – голосом умирающей сказала я.

– Просто мне твоя мать говорила, что тебе очень плохо, но я и подумать не могла, что так. Я тебе уже телефон пообрывала, а ты трубку не берешь. Матери твоей звонила, так она все скрывала, говорила, что ты вместе с детьми к родственникам уехала погостить. Я никак не могла понять, как ты могла уехать посреди учебного года.

Это теперь твоя мать раскололась – сил нет больше врать. Она мне сама позвонила, плачет, говорит, что ты всего этого не переживешь. Боятся за тебя. Я ей говорю, почему вы мне раньше все не рассказали, а она, оказывается, все думала, что Костик вернется. Теперь, видимо, поняла, что не вернется.

– Свет, а кто она?

– В смысле?

– Та, к которой он ушел?

– Дочка одного высокопоставленного чиновника.

Теперь у твоего Константина дела пойдут в гору. Папочка у нее еще та шишка, рукой не достанешь. А Константин, проныра, достал.

– Так как же такой высокопоставленный чиновник разрешил, чтобы рядом с его дочерью был женатый человек, отец двух детей? Ведь ей при таком положении раз плюнуть холостого найти.

– Беременная она. А по показаниям ей аборт делать нель-

зя.

– Что?!

– Обрюхатил Костик дочку, и папаше теперь деваться некуда. Тебе документы о разводе пришли?

– Да, я их по почте получила. И как это меня могли развести без моего присутствия, ведь у нас двое детей?

– За деньги и с тремя разведут. Деньги сейчас решают все.

– Кто бы мог подумать...

– Свадьба скоро у твоего Костика. Настоящая пышная свадьба. А затем медовый месяц на Канарах.

– А как же мои дети?

– Да кому нужны твои дети, кроме тебя самой?!

– Лена, а где он с ней познакомился?

– Вот этого я не знаю. Где мужики знакомятся, поди разбери?! Может, на дискотеке или в ночном клубе.

– Да он отродясь по таким местам не ходил.

– Получается, что ходил.

– А откуда ты все это знаешь?

– Да про это уже все знают. Все, кроме меня. Представляешь, я к нему на фирму приехала. Всякой ерунды охранникам наплела, прошла внутрь. Влетела к нему в кабинет, чтобы волосы ему повыдирать, так он со мной даже разговаривать не стал, вызвал охрану, и меня вышвырнули прочь. Понимаешь, меня, твою лучшую подругу, вышвырнули прочь! Это что такое делается?!

– А что тут удивительного, если он меня, собственную же-

ну, прочь вышвыривает.

– Вот козел! Он сказал охранникам, что знать меня не знает и видит первый раз в жизни... Быстро он забыл, как приставал ко мне на твоём дне рождения. Я ему тогда ещё по роже заехала.

– Костик к тебе приставал? – от удивления открыла я рот.

– Приставал. Подвыпил хорошенько и, пока ты детей спать укладывала, начал мне под юбку лезть.

– Господи, я и подумать никогда не могла... Я ничего не знала... Стыд-то какой.

– Жена всегда обо всем узнает последней. Кобель у тебя Костик был тот ещё. Неужели ты ничего не видела?!

– Нет.

– Потому что любила, как кошка, а когда любишь, то дальше своего носа вообще ни хрена не видишь. У тебя на уме только одно было: «Костик, давай я тебе рубашечку поменяю... Носочки уже грязные, наверно,...»

– Говорят, мужики все гуляют... Я, конечно, думала, что Костик у меня не такой, но, видимо, ошибалась.

– Мужики гуляют, но только по-умному.

– А по-умному это как?

– Чтобы жена ничего не знала.

– Так я и так ничего не знала.

– Не знала-то ты не знала, да только под конец он тебе вон какую свинью подложил!

Подлив в свой бокал мартини, я обхватила голову руками

и стала как-то странно покачивать ею из стороны в сторону.

– Лен, ну скажи, за что он со мной так? За что? Ведь я же знаю, что Костик меня любил... Он всегда меня очень любил... И зачем ему эта дочка большого начальника, если он и так деньги делал?! С трудом, со скрипом, но делал. И все у него получалось. Все. Он не может меня разлюбить. Не может. Он любит меня и сейчас. Я в этом просто уверена. Ну что его может связывать с той, другой? Только деньги и секс. Но даже если он ее и любит, то это не означает, что он разлюбил меня. Мужчина может любить двух женщин одновременно.

– Что-то я не заметила, чтобы Костик тебя очень сильно любил. Если бы он хоть немного за тебя переживал, он бы так с детьми не обошелся. Он хоть бы как-то помогал им материально.

– А может, я возьму детей и приду к нему на свадьбу?! Может, он нас увидит – и у него сердце занает?! Ведь мы же не чужие. Мы его семья, – говорила я, глотая слезы.

– Ты что несешь? Ты что надумала?! На свадьбу она с детьми придет! Не позорь ни себя, ни детей! У тебя хоть какая-то гордость есть?! Мужик ее бросил, а она к нему ковриком стелется! Ты хочешь, чтобы со свадьбы не только тебя выставили, но и детей?! Ты хоть их психику побереги!

– Да разве он посмеет?!

– Этот все посмеет, уж поверь мне. Все. Света, что-то я тебя не узнаю... Где твоя гордость?! Она у тебя осталась?

– Да какая, к черту, гордость?

– Обыкновенная. Теперь понятно, почему от тебя мужик ушел. Потому, что он устал об тебя постоянно ноги вытирать! Устал!

Последние слова ранили меня в самое сердце, и я заревела белугой. Ленка дождалась, пока я успокоюсь. Она медленно потягивала свой мартини и о чем-то усиленно думала. Когда я поняла, что у меня больше нет слез, я дрожащей рукой достала сигарету и нервно закурила.

– Ты что, курить начала? – с нескрываемым удивлением спросила Лена.

– Можно подумать, ты не куришь...

– Так я десять лет курю, а ты отродясь не баловалась.

– Все мы когда-то что-то начинаем, – глубоко затянулась я и пустила несколько ровных колечек дыма. – Знаешь, я очень много слышала про любовные треугольники, когда никто ни с кем не может расстаться, но при этом не слышала, чтобы мужики из семей уходили. Ведь всем известно то, что мужчины не любят радикальных перемен в жизни. В браке их удерживает привычка, а она для мужчин значит гораздо больше, чем для женщин.

А тут поди разбери, что получилось.

* * *

Я немного помолчала, а затем продолжила:

– Лен, скажи, а как же мне теперь без денег-то жить? На алименты подать? Но ведь Костик просил этого не делать. Он говорил, что деньги теперь сам завозить будет.

– Ага, много денег он тебе за это время привез?

– Ни копейки.

– То-то. Тебе нужно на работу устроиться. Приведешь себя в порядок. Выйдешь в люди. Начнешь зарабатывать. Мать будет тебе с детьми помогать. Глядишь, жизнь наладится, и все пойдет своим чередом. Было бы вообще отлично, если бы ты хорошо зарабатывать начала.

Ты бы тогда от Костики никаких подачек не брала.

– Да куда я только не звонила! Где я смогу заработать, если у меня двое детей, мне не двадцать и я ничего не заканчивала?! Где?!

– Придумаем что-нибудь. Не переживай. А для начала приведи себя в порядок. А то с таким зареванным лицом тебя на работу точно никто не возьмет.

Как только за Ленкой закрылась дверь, я доплелась до кровати, легла, положила на голову подушку и заревела... Я пыталась разложить по полочкам ту ситуацию, в которую я попала, но мне никак это не удавалось. Костик женится ради карьеры? Но карьера у него и так движется неплохо. Он никогда не был альфонсом и всего в жизни добивался сам. Жениться из-за того, что девушка забеременела, он тоже не мог, потому что у него есть свои двое детей. Сумасшедшая любовь?! И это исключено. Костик потерял голову раз в жиз-

ни, и потерял ее из-за меня.

Секс?! Ерунда, на голом сексе далеко не уедешь. Ведь мужиков, которые бросают жену ради любовницы, раз-два и обчелся. Да, многие женатые мужчины имеют связь на стороне. Это наполняет их гордостью, они хвастаются перед друзьями, но при всем при том они почти никогда не уходят из своих семей. С женами их связывают налаженный быт, дети, привычка. Господи, почему же так получилось с Костиком?! Почему?!

Глава 3

– Мама, учительница спрашивает, когда мы наконец заплатим за кружок У нас в классе уже все давно заплатили, – сказал мне сын, когда я его утром отводила в школу.

– Скоро, сынок... Скоро.

– Мам, ну когда? Мы ушли из той школы потому, что не могли за нее заплатить, а в этой школе мы не можем заплатить за кружки Учительница начинает ругаться, – капризно настаивал сын.

– Я же тебе говорю, что скоро, – я смотрела куда-то вдаль, но никакой ясной картины не видела. Перед глазами все расплывалось, а все очертания размазывались. Как только мы подошли к школе, сын взял меня за руку и попытался завести меня внутрь. Но я резко остановилась и отрицательно замотала головой.

– Мам, ну почему ты не хочешь зайти в школу?

Посмотри, туда заходят все родители.

– Не хочу.

– Но почему?

– Потому что не хочу видеть твою учительницу. Она опять начнет говорить про деньги...

– Тогда она будет говорить про них мне.

– Ну потерпи, сынок. Я сегодня же пойду в скупку и продам свои драгоценности. У нас будут деньги и на еду, и на

кружок, и даже на аттракционы в парке.

– Правда?

– Честное слово.

Я улыбнулась сквозь слезы и крепко сжала руку сына в своей руке. Мне было очень плохо, и я едва держалась на ногах, но я старалась бодриться, чтобы сын ничего не заметил.

– Мам, а я папу больше никогда не увижу? – грустно спросил сын и пристально посмотрел мне в глаза.

– Не знаю, сынок. Ей-Богу, не знаю.

– Он скоро женится?

– С чего ты взял?

– Бабушка сказала. Мам, а он пригласит нас на свадьбу?

– Нас?! Думаю, что нет.

– Почему?

– Потому что там будут только близкие и друзья.

– А мы? Разве мы для папы не близкие?! Мы же его семья...

Почувствовав, как у меня задергалась нижняя губа, я посмотрела на сына строгим взглядом и серьезно произнесла:

– Саша, я не хочу больше разговаривать о папе!

Слышишь, не хочу! Потому что отец твой гад конченный!

Учительнице скажи, пусть она остынет. Завтра ты сдашь деньги за эти гребаные кружки.

– Мам, а ты что кричишь? – обиделся сын.

– Прости, – я развернулась и пошла прочь. Я чувствовала, что сын смотрит мне в спину, но я не оглядывалась...

Я больше не хотела оглядываться назад, потому что я хотела смотреть только вперед... И никогда, никогда в жизни не оглядываться назад...

Как только я вернулась домой, ко мне заявила Ленка. От моих глаз не скрылось то, что она была возбуждена и, по всей вероятности, очень хотела мне что-то рассказать. Бросив на Ленку усталый взгляд, я нехотя налила себе чашку кофе и как-то безразлично произнесла:

– Если ты хочешь мне что-то про Костика рассказать, то можешь не стараться. Эта тема для меня давно закрыта. С некоторых пор мне это неинтересно. Костик для меня умер.

Я сказала это ледяным тоном, но тут же у меня вырвался вопрос:

– У него что, сегодня свадьба?

– Ты ж сказала, что тебе это неинтересно.

– Я просто так спросила.

– Я ничего не знаю про Костика. Было бы и в самом деле хорошо, если бы ты про него забыла. Я пришла совсем по другому поводу.

Я посмотрела на часы и перевела взгляд на Ленку.

– Я через час уйду из дому. Иду в скупку сдавать драгоценности. У нас нет ни копейки.

– Мне часа вполне хватит. Я вот что пришла. Я хотела спросить: как у тебя с работой?

– У меня с работой?! С завтрашнего дня буду проходить медицинскую комиссию. Мне медкнижка нужна.

– Зачем?

– На рынок иду торговать.

– Чем?

– Чем бог пошлет, – еще более безразлично ответила я. – Масло, сыр, молоко, рыба – в общем, развесные продукты. Глядишь, обвешивать научусь. На рынке меня берут. Там наплевать, сколько мне лет и сколько у меня детей. До моего образования тоже никому дела никакого нет. Правда, и платят там немного, на поддержание штанов так сказать. Но у меня сейчас выбора нет. Мои деньги плюс материна пенсия – проживем как-нибудь.

– На рынок пойти ты всегда успеешь. – Ленка посмотрела на меня хитрым взглядом и покраснелась.

– А у тебя что, есть какие-то предложения?

– Есть. Я тебе предлагаю нормальные деньги. Полторы тысячи долларов в месяц, не напрягаясь.

– Сколько?

– Полторы тысячи долларов в месяц.

– И кто же мне будет платить такие деньги?

– Фирма.

– А за что она мне будет их платить, если я делать ничего не умею?

– А там не нужно ничего уметь, там нужно просто хорошо выглядеть. Так что первым делом ты должна собой заняться. Нужно, чтобы эта бледность прошла, синяки под глазами, отечность... Ты же умеешь хорошо выглядеть. Вспомни, как

в школе на тебя все пацаны оглядывались! Да и при Костике ты всегда держала Ты же красивая баба, что ты себя так запустила?! Смотреть тошно! Если мужик ушел, то это еще не конец света! Ладно, сама дура, но дети-то за что страдают?! Ты вот ребенка в школу ведешь, а у тебя юбка не глажена...

Я посмотрела на свою мятую юбку и опустила глаза.

– А ведь я и вправду юбку забыла погладить.

– А волосы ты когда в последний раз красила?

– Не помню А я что, поседела?

– Нет, дорогуша, до седины тебе еще далеко. Просто у тебя уже свои корни волос отросли, и ты выглядишь чумичка чумичкой. Но а про косметику я вообще молчу.

Ты, наверно, уже сама не помнишь, когда в последний раз косметикой пользовалась. Скажи, ты сможешь привести себя в порядок за короткий срок или ты скоро совсем сбомжешься?

– С чего бы это я сбомжевалась?

– С того, что, по-моему, до этого уже рукой подать.

Я отодвинула чашку с кофе и тяжело задышала.

– Лена, я клянусь тебе, что сегодня же приведу себя в порядок Что за работа-то?

– В Турцию полетим.

– В Турцию?!

– Не удивляйся. Там сейчас можно нормально подзаработать. Нормально, понимаешь?!

– Каким образом?

– Я одну фирму нашла. Там требуются высокие красивые девушки, прямо, как мы с тобой. Будем встречать гостей, сопровождать на экскурсиях, расселять в гостиницы. Будем работать гидами, одним словом.

– Гидами?!

– Ну да.

– А как же знание языка?

– Ты немного английский знаешь, да и я тоже. В процессе работы всему научимся.

– Но ведь надо знать турецкий?

– Турецкий на месте выучишь. Мы же будем встречать русских туристов, зачем нам турецкий? Ты что, собралась с русскими по-турецки разговаривать?

– Лен, бред какой-то... Ты, наверно, на какую-то протитутскую фирму нарвалась. Нормальным гидом устроиться довольно сложно. Для этого надо как минимум два языка знать. Русский и турецкий.

– Да кто тебе такое сказал? Это для тех, у кого связей никаких нет.

– А у тебя что, связи есть?

– Есть.

– И откуда они у тебя появились?

– У меня много что появилось, пока ты наслаждалась супружеским счастьем. У меня такого Костика не было.

Мне приходилось на жизнь самой зарабатывать. У меня любовник влиятельный есть из криминальных кругов.

Он мне и порекомендовал эту фирму.

– Может, он тебя просто подставить хочет и именно таким образом предлагает тебе заняться проституцией?!

Ленка захлопала глазами и запыхтела, как паровоз.

– Не надо судить по Костику обо всех мужиках!

Не все такие козлы, как твой Костик. Мой любовник меня любит!

При слове «любит» я усмехнулась и опустила глаза.

– Я думала, что меня любили, прожив десять лет с мужчиной и родив от него двоих детей... Я ошиблась... Как можешь не ошибиться ты, если тебя ничего совместного не связывает и у тебя нет детей?

– И тем не менее я утверждаю. Заключаем контракт на три месяца. Зарабатываем свои положенные деньги и возвращаемся на родину. Затем контракт можно возобновить. У тебя дети скоро начнут голодать. По-моему, и раздумывать нечего. Заложишь свои драгоценности, вырученные деньги отдашь матери, чтобы у нее хоть на первое время было на что детей кормить, а сама поедешь на заработки. Полторы тысячи долларов в месяц – это минимальная сумма, а про максимум я даже говорить боюсь. Если работа пойдет нормально, то и заживем нормально. Никакой проституцией тут и не пахнет, это однозначно. Я тебе предлагаю реальную работу и реальные деньги...

На следующий день мы уже сидели в небольшом частном ресторанчике вместе с Ленкиным любовником и обсуждали

детали предстоящей поездки. Ленкин любовник показался мне вполне приличным мужчиной, вел он себя очень даже галантно и обходительно. Он заверил нас в том, что те два места, которые он нам предлагает, на дороге не валяются, что на них есть тысячи претендентов, а из этой тысячи он готов их уступить именно нам, из теплого отношения к Ленке естественно. Когда ее любовник взял в руки мобильный и принялся решать какой-то вопрос, встав при этом из-за стола и отойдя в другую сторону зала, я посмотрела на Ленку задумчивым взглядом и еле слышно спросила:

– Лена, а ты уверена в том, что ему можно доверять?

– Уверена. Ты же видишь, что мужик не промах.

Серьезный, рассудительный, слов на ветер не кидает.

У него вообще одно место было, но я встала перед ним на колени и стала вымаливать второе. Он прекрасно понимает, что ты мать-одиночка с двумя детьми, которых надо кормить.

При слове «мать-одиночка» я слегка дернулась и подумала о том, что меня еще никто и никогда так не называл.

– Так что давай бери себя в руки и начинай новую жизнь, – настраивала меня на истинный путь Ленка. – У тебя теперь нет другого выхода. Теперь ты добытчица.

Ты и лошадь, ты и бык, ты и баба и мужик. Тебе пахать надо и ни о чем не думать. И запомни, что не родился еще тот мужчина, из-за которого бы стоило горевать или приобрести хотя бы одну морщинку. А у тебя морщины начали по-

являться, как грибы после дождя...

– У меня морщины?

– У тебя. Скоро как старуха будешь, ей-Богу.

– Да ладно тебе наговаривать, – разозлилась я на Ленку.

– Я тебе не наговариваю, а правду говорю. Но кто тебе еще правду скажет, если не я?!

В тот момент, когда за столик вернулся Ленкин любовник, мы прекратили свои споры и стали медленно смаковать свой кофе.

– Вовка, так когда нам вылетать? – вежливо поинтересовалась Ленка и затянулась сигаретой.

– Ровно через неделю.

Я слегка прокашлялась и решила толкнуть речь:

– Владимир, не знаю, как и благодарить вас за ваше содействие. Сейчас так трудно найти работу с достойной оплатой, а у меня двое маленьких детей и мама-пенсионерка. Для меня ваше предложение что спасательный круг для утопающего.

– Не стоит благодарностей, – перебил меня Ленкин любовник. – Благодарите вашу подругу. Все, что я для вас сделал, я сделал исключительно ради нее. Лена всегда мечтала стать самостоятельной и независимой женщиной.

Именно Такую возможность я ей и даю. Я всегда уважал ее независимость и уважаю ее и на этот раз. А насчет вас... Лена сказала мне, что вы собираетесь идти торговать на рынок. Это несправедливо. Такую красоту, как у вас, надо бе-

речь. Гидом вы будете смотреться намного лучше, чем продавцом. Если у вас двое маленьких детей, значит, вы порядочная женщина. А мне и нужны две порядочные женщины. В порядочности Елены я уверен.

Понимаете, начался сезон. Пока есть два свободных места.

Сами знаете, что такие места долго свободными не бывают. Заработаете хорошие деньги, поможете своим детям.

Понравится, поедете еще. Тем более климат, море, солнце, фрукты... Что и говорить, предложение царское.

– Все это понятно, но я не о том... Я о том, чтобы в вашем предложении не было никакого подвоха. Понимаете, я оставляю на родине двоих детей, у которых с некоторых пор нет отца. Если со мной что-то случится....

Услышав мои последние слова, Владимир изменился в лице и, побагровев от злости, отодвинул свою чашку кофе.

– Ну, это совсем несерьезно. Если вы так ставите вопрос, тогда вообще ничего не надо. Я никого не принуждаю и силой ничего делать не заставляю. Я вас уговаривать не собираюсь. Все, до свидания.

Владимир перевел взгляд на Ленку и тяжело вздохнул.

– Лена, я что-то не понял... Ты меня умоляла взять на работу свою подругу. Я же не хотел – сама знаешь, с местами напряженка. Я не бюро по трудоустройству, чтобы твоих подруг трудоустраивать, а тут такие разговоры... Полетишь одна.

Замотав головой, я вытащила из сумочки свой загранпаспорт и протянула моему благодетелю.

– Простите. Я ни от чего не отказываюсь. Я доверяю своей подруге, а если она доверяет вам, значит, все в порядке. Скажите, а куда именно мы летим?

– В Анталию, – нехотя взял мужчина мой паспорт. – Работать будете на курорте в Кемере. Все подробности я уже рассказал Елене.

К концу разговора мы пожали друг другу руки и посмотрели, как Ленкин любовник помахал нам рукой, садясь в свою спортивную машину.

– Прогуляемся, – предложила мне Ленка и взяла меня под руку.

– Прогуляемся.

Мы шли молча. Я неуверенно ступала и чувствовала, что меня начинает тошнить. Меня тошнило от всего: от московского дыма, от шумной улицы, от одиночества, от безденежья и даже от перспективы поработать за рубежом. Я вдруг подумала о том, что, наверно, я лгу сама себе, что сейчас бы отдала все на свете и даже позволила бы укоротить свою жизнь только за то, чтобы сделать ее такой, как раньше... Тихой, размеренной, степенной, стабильной.

Где есть домашний очаг, дети, муж, читающий газету, и я, убирающаяся на кухне... Где так тепло и не чувствуется непогоды... Где не надо думать о деньгах, потому что о них думает муж... Где каждый день такие однообразные, но та-

кие родные семейные будни...

Я поморщилась. Я поняла, что ничего этого больше не будет. В мою жизнь ничего не вернется. Ничего. Ни слово «семья», ни «семейный очаг», ни «домашний уют», потому что все разрушено до основания и уже ничего невозможно собрать. Я всегда ощущала исключительность своей судьбы и была благодарна ей за то, что она относилась ко мне чересчур благосклонно. Слишком раннее, удачное замужество с хорошим человеком... Слишком ранние дети...

Слишком счастливая семейная жизнь... А теперь судьба вышвырнула меня из этих счастливых рядов, оставив один на один с собственной бедой и навалившимся горем.

– Свет, ты чего? – донесся до меня Ленкин голос.

– Ничего.

– Качаешься, как пьяная. Тебе плохо?

– Так, средней паршивости.

– Свет, но ведь ты женщина разумная. Я понимаю, ты пережила тяжелый удар, – как-то жестко заговорила подруга, – но на этом ничего не заканчивается. У тебя впереди новая жизнь и новая работа. За неделю тебе нужно привести себя в порядок. Ты же должна хорошо выглядеть.

– Зачем?

– Затем, чтобы с людьми общаться. На тебя же туристы смотреть будут. Может, какой-нибудь турист в тебя влюбится!

Я поморщилась и раздраженно посмотрела на Ленку.

– Лен, хватит ерунду городить. Я мужской любовью уже по горло сыта. Я ею объелась. Мне кажется, что за свою любовь я уже поплатилась в полном объеме.

Я немного помолчала, а затем добавила:

– Лен, послушай, а чего твой любовник тебя на заработки отправляет? Почему он не хочет взять все твои расходы на себя? Вы же собираетесь пожениться?

– Что?!

– Если вы любите друг друга, значит, в недалеком будущем вы собираетесь пожениться. Зачем же вам нужно трехмесячное расставание?

– Кто собирается жениться?! – захлопала глазами Лена.

– Ну, ты и твой друг.

– Ас чего ты взяла, что мы собираемся пожениться?

– А что, нет?

– Нет. У нас совершенно свободные отношения. Света, ты, пока была замужем, так отстала от жизни. Пойми, если люди встречаются, это не значит, что они обязательно поженятся. Конечно, я бы была не прочь выйти замуж за какого-нибудь порядочного человека, но я его пока не встретила. А с Владимиром меня связывают дружеские отношения и секс. Мужики сейчас, сама знаешь, какие, не спешат сами помогать материально. Вот он и нашел мне хорошую работу. Конечно, если бы он сгорал от любви ко мне, он бы никуда меня не пустил, но он не сгорает.

...Ближе к вечеру я заехала к матери, завезла ей деньги,

вырученные за свои драгоценности, рассказала ей о предстоящей работе и, уложив детей спать, тихонько прижала мать к себе.

– Мам, ну не плачь. Сейчас все наладится. Я приеду с деньгами, с голоду не умрем. А затем что-нибудь придумаем.

Мама вновь всхлипнула и посмотрела на меня заплаканными глазами.

– Только будь осторожна, доченька. Будь осторожна.

Приехав домой, я подошла к зеркалу и внезапно почувствовала, что больше не могу быть слабой женщиной.

Не могу. Потому что теперь у меня новая жизнь и новая ответственность. В этой жизни я обязана быть сильной и прогнать от себя прочь бурю отрицательных эмоций, которые приходили ко мне из моего прошлого. Я устала тушить боль и отчаяние и наконец поняла, что смысл моей жизни заключается не только в совместном существовании с моим мужем. Я решила с этой минуты не позволять себе распускаться и больше никому не демонстрировать свою безысходность и не рыдать.

А затем я встала под душ и смыла с себя горечь, боль, страх и отчаяние. Я наложила на лицо душистый крем и наполнила свою душу светлыми и добрыми чувствами. Я надела новый халат и пригладила мокрые волосы. Я сама удивилась своему преображению. Мне даже показалось, что я стала совсем юной и, как раньше, красивой. Я не одна. Я нужна своим детям и своей маме...

Я словно попала в самую настоящую сказку, где рассеялись злые чары, а добрые чары делают героя совершенно новым человеком.

Я смотрела на себя в зеркало и улыбалась сама себе.

Пусть где-то там живет мой бывший муж и пусть он будет счастлив, пусть он получит то, что ему не смогла дать я.

А я... Я смогу переломить себя и его простить, потому что те десять лет, которые мы прожили вместе, были счастливыми и по-своему незабываемыми... Я смогу, и у меня все получится, потому что я сильная... Господи, я раньше и подумать не могла, какая же я сильная...

Глава 4

В аэропорту нас провожал Ленкин любовник. Вручив нам авиабилеты и экскурсионные путевки, он затянулся сигаретой и деловито объяснил:

– Вот вам билеты, а вот вам ваши контракты. Все сделано в лучшем виде. Так как вы едете от достаточной солидной фирмы, думаю, таможня вам даст «добро» без всякого. Желаю вам удачной, плодотворной работы и хорошего отдыха. Если возникнут какие-то вопросы, звоните. Ленка знает мой мобильный наизусть. Он у меня включен двадцать четыре часа в сутки. Только уж слишком вы бледные какие-то. Но ничего, загорите. В Турции загар очень красивый. Через неделю станете, как шоколадки.

Как только самолет приземлится в Анталье, вы увидите множество представителей различных фирм, с самыми различными табличками они встречают своих туристов.

Вы должны встретиться с турком, который в совершенстве владеет русским языком. Его зовут Экрам. Он будет держать табличку с надписью: «Эскорт». Смело подходите к нему, не ошибетесь. А дальше дело техники. Он отвезет вас в офис своей фирмы, а после поселит в гостинице.

Выдаст форму, в которой вы будете встречать туристов, и расскажет вам о ваших функциях и обязанностях.

Вы хоть какую-нибудь литературу по Турции читали?

– Нет, – в один голос ответили мы.

– Ладно, скажите об этом Экраму. Он выдаст вам по книжке, и вы прочитаете про Кемер, чтобы вам было что рассказывать, когда вы будете встречать туристов и развозить их по гостиницам. А еще старайтесь прислушиваться к местному сленгу и учить местные слова. Это вам очень пригодится в будущем, если захотите продлить контракт. Места у вас козырные, так что не переживайте.

Сейчас самый сезон, а в сезон даже горничной при гостинице не устроишься, не то что гидом. А все фирмы, набирающие танцовщиц, в основном вербуют проституток, а вы уже не в том возрасте, чтобы заниматься и тем и тем. Я же говорил, что на эти места требуются порядочные женщины.

Вообще, чтобы на такую работу попасть, надо хорошенько заплатить, так что считайте, вам крупно повезло.

Владимир дотронулся рукой до Ленкиной щеки и сказал уже более ласковым голосом:

– Малыш, я буду по тебе скучать. Мне будет очень сильно тебя не хватать.

– Правда? – не на шутку раскраснелась Ленка.

– Правда, малыш, правда. Позвонишь?

– Конечно, позвоню.

– А вдруг ты себе здесь какого-нибудь турка найдешь и про меня забудешь?

– Не забуду. Меня турки не интересуют.

Я посмотрела на столь трогательную картину, слегка

улыбнулась, но все же не смогла удержаться от мучившего меня вопроса.

– Владимир, вы извините, пожалуйста. Я хотела бы вас кое о чем спросить.

– Светлана, зачем эти формальности? Давай перейдем на «ТЫ».

– Хорошо. Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос.

– Я весь внимание.

– Понимаешь, у меня дома все не очень чтобы очень. Как говорится, финансы поют романсы.

– Понимаю, иначе ты бы не помчалась на заработки от двоих детей.

– Так вот, я, конечно, оставила маме кое-какие деньги... Я бы хотела узнать, когда я получу первую зарплату, – Наверное, через месяц. Это вы выясните у Экрама.

– Я бы хотела переправить деньги маме, только не знаю, как это сделать. Через международный почтамт, наверно, будет очень дорого. Там берут большие проценты.

– Я тебя понял. Свет, ты не мудри. Ты когда деньги получишь, то передай их с кем-нибудь из отдыхающих.

Только выбери семью поприличнее, чтобы муж, жена и ребенок. Затем позвони мне, продиктуй номер рейса.

Я деньги встречу, не переживай, а затем отвезу их твоей матери. Только напиши адрес.

– Правда? – я обрадовалась и почувствовала, как на глазах показались слезы. – Ты даже не представляешь, как я тебе

благодарна. Достав листок, я быстро написала адрес матери и протянула бумажку своему работодателю.

– Ты меня не благодари. Я еще ничего для тебя не сделал. – Владимир положил листок в барсетку. – И слезы понапрасну не лей. Я же тебе сказал, что все будет нормально. Все будет хорошо. Знаешь, ты очень изменилась за эту неделю. На глазах преобразилась. Прямо красавица. Все мужчины на тебя оглядываются. Я когда тебя в первый раз увидел, то сначала хотел Ленке сказать, что тебе с такой сомнительной внешностью никуда ехать не стоит. Оказывается, женщина может стать красивой, если захочет. И зачем ты, такая красивая баба, за такого козла замуж вышла и от него двух детей нарожала?

– А откуда мне было знать, козел он или не козел.

Поначалу они все нормальные.

– Ничего, ты еще свою судьбу устроишь.

– Да черт с ней, с судьбой, мне главное детей прокормить...

– Прокормишь. Это я тебе обещаю.

В тот момент, когда мы сели в самолет, я облегченно вздохнула и быстро опрокинула любезно предложенную подругой рюмку коньяка.

– Ленка, ты что-нибудь про Костика слышала? – неожиданно сама для себя спросила я.

– Ты же сказала, что он для тебя умер!

– Да это я так, просто спросила.

– Просто ничего не бывает. Если ты всем направо и налево будешь ныть про своего Костика, то от тебя скоро все люди шарахаться будут. Скажи спасибо, что я у тебя такая терпеливая, но только и моему терпению приходит конец.

– И все же ты не ответила на мой вопрос.

– Что тут отвечать. Сегодня пятница, завтра суббота.

Значит, завтра у твоего Костика свадьба, – Все-таки он женится.

– Женится, кобелина проклятый. Не переживай, придет время, и Бог его обязательно накажет.

– Ни хрена Бог его не накажет. Таким, как он, никогда ничего не бывает. Бог почему-то наказывает таких, как я.

Поняв, что мне хочется побыть наедине с собой, я отвернулась к окну и стала в него смотреть. Я вспомнила тот тихий вечер полгода назад, когда мы уложили детей спать, взяли бутылочку красного вина, зажгли свечи и сели на кухне ужинать. Я стала расспрашивать мужа о том, как идут у него дела на работе, и упрекать его в том, что у него на фирме слишком много соблазнов и слишком много красивых женщин. Муж улыбнулся и поведал мне о том, что он целиком и полностью согласен с мнением Эрнеста Хемингуэя: «На свете так много женщин, с которыми можно спать, и так мало тех, с кем можно разговаривать». Этот ответ меня вполне удовлетворил, но, чувствуя какое-то внутреннее беспокойство, я ни с того ни с его принялась обсуждать его секретаршу. Тут муж улыбнулся и сказал мне, что юные красотки его давно уже не

влекут. В тот вечер мне показалось, что все мои опасения напрасны и не имеют никакой реальной почвы. Мой муж меня по-прежнему любит и ценит. Он говорил, что ему нравятся моя покорность и покладистость, что он никогда мне не позволит работать, потому что моя работа – воспитывать детей и создавать домашний уют. «Светка, живи для меня и живи мной», – сказал мне в тот вечер Костик. Я умиротворенно кивнула головой и сказала ему, что по-другому я свою жизнь просто не представляю... Я всегда гордилась своим мужем. Всегда. Он был очень целеустремленный, трудолюбивый и очень ответственный. Я никогда не терзалась ревностью и считала, что у меня нет для нее никаких оснований. Я считала долгие годы счастливой семейной жизни гарантией того, что муж будет верен мне всегда.

Не знаю зачем, но я даже вспомнила нашу интимную близость. Мне показалось, что она была слишком привычной и слишком обыденной. Все шло по четко накатанному сценарию. Никаких отступлений, никаких новшеств, никаких вольностей. Даже поцелуев и тех становилось все меньше и меньше. Исполнив свой супружеский долг, мы располагались по разным сторонам кровати. Я пыталась придвинуться к Костику, но тот отворачивался, говорил, что любит простор. Я безгранично ему доверяла и не нарушала сон своего супруга. Почувствовав страшную злость, я вдруг подумала о том, что, если бы у меня были лишние деньги, я бы обязательно наняла киллера, который бы раз и навсегда покончил

с Кости́ком. Заказные убийства в нашей стране раскрываются редко, не раскрылось бы и это.

Мне было бы намного легче жить и знать, что Костика больше нет, чем жить и знать, что Костик живет с другой. Я бы разыгрывала из себя скорбящую вдову и получала сочувствие окружающих. Даже по социальному статусу лучше быть вдовой, чем брошенной женщиной, от которой самым наглым образом сбежал муж. Мне показалось, что для осуществления этой цели нужно не так и много. Нужны деньги.

Почувствовав, как покраснелось мое лицо, я посмотрела возбужденным взглядом на скучающую Ленку и закинула ногу за ногу.

– Лена, а если все будет нормально, контракт можно продлить?

– Конечно, можно. Владимир же сказал.

– А твой Владимир вообще чем занимается?

– В смысле? – не поняла мой вопрос Ленка.

– Ну, ты сказала, что он состоит в криминальной группировке.

– Сказала.

– А что он там делает?

– Откуда я знаю. Что-то делает. Каждый вечер на стрелки ездит, какие-то вопросы решает...

– А может, он людей убивает? Может, он киллер?

Ленка изменилась в лице и покрутила пальцем у виска.

– Свет, я смотрю, твое замужество тебе явно на пользу не

пошло. Ты от жизни совсем отстала. По-твоему, если человек состоит в криминальной группировке, то он обязательно людей убивает?! Бред какой-то.

Получается, что криминальная группировка только тем и занимается, что мочит всех направо и налево. Чушь!

Сейчас все криминальные группировки занимаются бизнесом. Они уже от бизнесменов ничем не отличаются. На бандитизме уже мало кто деньги делает, все в коммерцию ударились. Там и спокойнее, и денег больше. Сейчас самая главная криминальная группировка – это милиция. Все коммерсанты так и бегут к ней под крышу. Они не хотят работать под криминальными структурами, поэтому работают под ментами.

– Значит, твой Владимир бизнесом занимается?

– Что-то вроде того. Он его пока осваивает. Криминальным структурам нынче бизнес тяжело дается. Они же привыкли все отнимать, а не торговать и не производить. Да только отнимать нынче тяжело. Народ делиться особо не хочет. Потому-то криминалитет и локти кусает.

Они же ведь не бизнесмены, а только учатся, поэтому и денег у настоящих бизнесменов намного больше, а криминалитет нынче перебивается с хлеба на квас. Время криминального беспредела прошло, наступило время беспредела милицейского. Это раньше быть бандитом было престижно, а теперь престижно быть бизнесменом, потому что у бизнесмена и стабильность есть, и деньги.

Он лучше бандита знает, где дешевле купить и где выгоднее продать. Так что сейчас своего рода перестройка произошла. Переоценка ценностей, так сказать... Сейчас все девушки мечтают бизнесмена себе отхватить, а не бандита. Поэтому я здорово на Владимира и не рассчитывала.

– По-твоему получается, сейчас криминала вообще никакого нет. Все бандиты такие бедные и несчастные.

Совсем их притесняют, а бизнесмены такие богатые и такие порядочные. А кто тогда людей убивает? Сейчас убийства сплошь и рядом...

– Да мало ли кто. Убивают за деньги, за обман, за то, что люди получают определенную должность и начинают работать по своим правилам, совершенно не считаясь с интересами тех, кто их туда поставил. Конечно, в каждой группировке есть те, кто выполняет черную работу, не без этого.

– А ты таких знаешь?

– А зачем мне? – прищурила глаза Лена.

– Тебе незачем. А Владимир твой таких знает?

– Он знает. А что? Что-то я не пойму, к чему ты клонишь?

– К тому, что я хочу в Турции подольше поработать.

Хочу заработать деньги и на жизнь, и на то, чтобы Костика замочить.

– Что?!

– Что слышала. Ты потом можешь на эту тему с Владимиром поговорить? Поинтересуйся, пожалуйста, сколько это стоит. Только пусть он тебе по знакомству скидку сделает.

По закупочной цене, как для своих.

Ленка захлопала глазами и задышала, как паровоз.

– Только не надо меня отговаривать, – я не дала ей сказать ни единого слова. – И ни говори, что я просто сошла с ума. Я в здравом уме и твердой памяти. Я хочу замочить этого гада – и дело с концом. Пусть знает, что за все в жизни надо платить. Особенно за предательство. А то как-то несправедливо получается: у него все – любимая, молодая жена, маленький ребенок будет, а у меня ничего.

Ни мужа, ни отца у детей, ни семьи, ни любви...

– Свет, ты завязывай ерунду говорить. Ты об этом даже не думай. Тысячи мужиков уходят из семей, и никто их не убивает.

– А зря. Значит, я буду первой. Мужики из семей уходят, но детей они при этом не забывают. А этот...

Ты мне лучше скажи, твой Владимир сможет помочь?

– Сможет, только это денег стоит.

– Я заработаю эти деньги. Ты только когда будешь ему звонить, как бы между делом спроси, чтобы я знала, на какую сумму мне надо рассчитывать.

– Ты что, совсем сдурела?! Разве о таких вещах по телефону говорят?! Да мне Владимир за такие фокусы голову оторвет. О подобных вещах говорят один на один, чтобы никто не слышал и свидетелей никаких не было. Телефон прослушать можно, тем более международный разговор.

– Хорошо, тогда ты по прилете с ним поговори. Обеща-

ешь?

– Обещаю, только ты что, в тюрьму захотела?

– За то, чтобы никто не оказался в тюрьме, я плачу деньги. Даже если это будет мне не по карману, я разменяю свою квартиру на меньшую площадь, возьму разницу деньгами и все равно грохну этого гада.

Поняв, что спорить со мной бесполезно, Ленка убедительно затрясла головой и огляделась по сторонам.

– Хорошо, Светочка, хорошо. Ты только на весь самолет не кричи, а то уже люди оглядываются. Я с Владимиром обязательно поговорю. Ты не переживай.

– Надо мне было сначала квартиру разменять, затем его грохнуть, а потом уже в Турцию лететь, – вступила я в диалог сама с собой.

– Не торопись. Квартира – это самое ценное, что у тебя осталось. Не забывай, что у тебя двое детей, которым будет совсем неуютно в маленькой комнатухе. Квартиру ты всегда успеешь продать, а может, ты сама сумеешь эти деньги заработать и не надо будет ничего разменивать.

– Тоже верно, – буркнула я и отвернулась к окну.

Мне представился Костик с пулевым ранением в голову, лежащий возле дома своей молодой жены... И облегчение... Не вина, а облегчение от содеянного...

Как только самолет приземлился в турецком аэропорту, пассажиры громко захлопали в ладоши и дружно закричали: «Браво!» Мы с Ленкой переглянулись и начали пробираться

к выходу. На улице уже было темно. Турция встретила нас ночной жарой и морской свежестью.

Получив свой багаж, мы принялись искать турка с нужной табличкой.

– Ну вот, дорогая, мы и на отдыхе... Господи, как долго мы об этом мечтали. Сейчас уложим детей спать и обязательно искупнемся в ночном море...

Я обернулась и увидела счастливую семью. Муж нежно обнимал жену за плечи, а рядом шагали две маленькие девочки-близняшки... От этой идиллии у меня защемило сердце и запылало в груди. Проводив счастливую пару грустным взглядом, я почувствовала, как моя подруга ткнула меня в бок, и от неожиданности вздрогнула.

– Свет, ты о чем думаешь?! Вон турок с нашей табличкой! Ты давай сейчас не грузись. До этого еще далеко.

Я же тебе пообещала, что как только мы прилетим, я обязательно поговорю с Владимиром, и он найдет того, кто хладнокровно расправится с твоим Константином. Вернее, уже не с твоим, а с чужим. Мужики они все такие.

Сегодня он твой, а завтра чужой. Поди разбери, в какую сторону у них женилка смотрит.

Симпатичный турецкий мужчина, к которому мы подошли вплотную, расплылся в широкой улыбке и спросил с сильным акцентом:

– Вы и есть Светлана и Елена?

– Они самые, – подтвердила Ленка и поставила свою тя-

желую дорожную сумку на пол. Сумка была такая огромная, что мне показалось, будто Ленка собралась сюда на несколько лет и прихватила при этом весь свой немалый гардероб.

– Добро пожаловать на турецкую землю. Меня зовут Экрам. Владимир звонил и говорил мне, что вы очень красивые, но я и не думал, что до такой степени.

Не выдержав его пристального взгляда, я опустила глаза и произнесла тоненьким голосом:

– Мы стараемся хорошо выглядеть.

– Как долетели?

– Очень хорошо.

– А в Москве жарко?

– В Турции жарче, – в один голос ответили мы.

– Ничего, вы быстро привыкните к нашей жаре. Тем более в последнее время погода нас не очень-то и балует.

По вечерам ни с того ни с сего стали идти дожди. Особенно в горах. Ну что, тогда пойдемте к машине?

– Пойдемте.

Сев в машину, в которой сидел один водитель-турок, знавший по-русски только несколько фраз («Здравствуй, Наташа», «Как ты красива», «Как дела?»), мы направились в сторону города.

– А где мы будем жить? – поинтересовалась я, вглядываясь в огни ночной Анталыи.

– Мы едем в Кемер. Вы когда-нибудь там были?

– Была года два назад.

– Ну и как, понравилось?

– Да.

– Вы здесь работали или отдыхали?

– Я отдыхала вместе с мужем и детьми.

– У вас есть муж?

– Был.

– Был? – видимо, турок не понял моего ответа и пожал плечами. – А сейчас он где? Он что, умер?

– Нет. Он просто ушел к другой.

– А разве так бывает? – искренне удивился турок.

– Наверно, у вас в Турции не бывает, а у нас в России это сплошь и рядом. Мужчины уходят, дети остаются.

– Но ведь мужчина может жить сразу с двумя женщинами.

– Может. Некоторые так и делают. Имеют жену и любовницу. Все счастливы и все довольны, а некоторые вроде меня устают вести двойную жизнь и выбирают кого-нибудь одного.

– У нас мужчина может иметь гарем.

– Наш мужчина гарем не потянет. Наш мужчина и одну-то женщину с трудом может прокормить. Тем более у ваших женщин запросы совсем маленькие, а у наших они растут с каждым днем.

Как только мы стали проезжать длинный тоннель, я слегка ткнула Ленку в бок и быстро проговорила:

– Пока мы будем проезжать тоннель, надо минуту не дышать и загадать желание. Если у тебя это получится, то оно

сбудется.

– Я что, дура – минуту не дышать. Так и задохнуться можно.

– Еще ни один не задохнулся. Это поверье такое.

– Вот пусть турки и верят в свои поверья.

И все же я выдержала минуту и загадала желание.

– Мы так с Костиком в прошлый раз сделали. Нас гид научила. Я тогда еще загадала, чтобы у Костика на работе все наладилось. У него неприятностей было море.

Он что-то с компаньоном не мог поделить. Так после отпуска все наладилось. И как в это не верить!

– Не знаю. Я в такую ерунду не верю. Я когда в Египте была и в Луксор ездила, нам тоже говорили, чтобы мы обошли памятник жуку-скарабею несколько раз и за задницу его подержали. Мол, при этом надо загадать желание, и оно обязательно исполнится. Так я там, как дура, круги нарезала. Загадала в этом году выйти замуж за красивого, надежного, обеспеченного мужчину. Год прошел, и ни черта приличного не попало.

– Наверно, это оттого, что ты сильно много желаний загадала. И замуж ты хочешь выйти, и муж тебе нужен и красивый, и обеспеченный, и надежный...

– Это называется три в одном. Я же не могу загадать выйти замуж за кого ни попадя. Ты даже не представляешь, как я этого скарабея за задницу щипала. Благо задница у него каменная, а то бы я половину у него оттяпала. Памятник вы-

сокий, приходилось прыгать и народ локтями распахивать. Я даже с одной теткой при этом поругалась. Стоит, скарабея за задницу держит. Вернее прыгает. Тучная такая, постоянно грудью меня по голове задевает. Прямо стучит и все тут своими титьками, каждая из которых не меньше килограмма весит, ей-Богу...

А рядом ее муж из новых русских, стоит и ее ждет. Я ей говорю: мол, женщина, не надо прыгать и телесами трясти. Не надо. Ваше желание вон стоит и вас ждет. Имейте совесть, дайте скарабея поддержать тем, у кого такого богатенького Буратино нет. Скарабей он тоже не резиновый.

Всех мужиками обеспечить не может. Я вот еще замужем не была, и мне тоже такого, как у вас, хочется. А она мне и говорит, что, мол, она просит скарабея, чтобы ее спонсор никогда не гулял, а то она подозревает, что он втихую погуливает. Я ей и говорю: мол, женщина, не надо по таким пустякам скарабея тревожить, если вы уж спонсора отхватили, то старайтесь его удержать. Не скарабея надо держать за задницу, а спонсора. Короче, никого я за этот год не встретила, и никто мне даже предложение не сделал. Никто. Наколот меня скарабей, и тоннель твой тебя тоже наколет.

– А я загадала, чтобы мы из Турции с большими деньгами вернулись. Что, думаешь, не вернемся?

– Конечно, вернетесь, – влез в наш разговор Экрам.

– А желания вслух говорить нельзя, а то не сбудутся, – сделала мне замечание Ленка.

– Ты ж у нас в приметы вообще не веришь.

– В некоторые верю...

В тот момент, когда мы свернули в сторону леса и гор, я подозрительно посмотрела на Ленку и тихо произнесла:

– Мне кажется, что мы так не ехали.

– Можно подумать, ты дорогу в Кемер наизусть знаешь. Ты ж в нем всего один раз была, – постаралась успокоить меня Ленка.

– У меня память хорошая.

Я постучала Экрама по спине и осторожно спросила:

– Экрам, а мы куда едем?

– Туда, где вы будете жить.

– А мы что, будем жить в горах?

– А Турция и состоит из одних гор.

– Владимир сказал, что мы будем работать в Кемере.

– Значит, так и будет. Кемер большой, там работы много.

Слова Экрама прозвучали не очень убедительно и заставили мое сердце учащенно забиться. Тогда мы еще не знали, куда мы едем и что нас ждет впереди...

Глава 5

Приехав в самые настоящие горы, мы вышли из машины и подошли к небольшому одноэтажному дому.

– Что все это значит?! – одновременно и злобно, и со страхом посмотрела я на Экрама.

– Это ваше жилье.

– А где Кемер?

– Тут недалеко Не надо так сильно переживать. Это ваш дом – А где туристы?! Где гостиничные комплексы?! – я чувствовала, что у меня начинается истерика. – Где все это?!

– Все это у вас будет. Не нужно так нервничать.

Давайте пройдем в ваш дом.

Я посмотрела на не менее перепуганную Ленку и закричала что было сил:

– Ленка, что ты стоишь, как дура, глазами хлопаешь?! Это не я от жизни отстала, а ты. Поистаскалась ты, подруга, совсем и бдительность потеряла окончательно.

Надул нас твой дружок. Ох, надул. Ты что, не поняла куда нас привезли?! Что это за халабуда?! Это бордель какой-то.

– Да что ты панику раньше времени разводишь? – мне показалось, что Ленка успокаивает не столько меня, сколько себя. – Еще ничего страшного не произошло. Тебе же сказали, что это всего-навсего наше жилье. Тебя никто и не обещал поселить в номере пятизвездочного отеля.

– Но ведь кругом лес и горы!

– Ну и что. Тебе же сказали, что мы тут просто будем жить, а на работу будем ездить на маршрутке, наверно.

Мы же не можем жить при гостинице вместе с туристами.

– Ага, размечталась.

– Девочки, прекратите ругаться и заходите к себе домой, – глаза Экрама стали суровыми.

Водитель, не говорящий по-русски, открыл дверь в дом и улыбнулся:

– Здравствуй, Наташа. Как дела? Заходи в дом.

– Ага, нашел дуру! – крикнула я и побежала прочь.

Я и сама не знала, куда я пыталась убежать. В горы?

В лес? С большой дорожной сумкой, на каблуках...

– Свет, ты куда? – донесся до меня перепуганный голос подруги – На кудыкину гору!

Но в этот момент меня нагнал Экрам, который бросился следом за мной и догнал меня, не прикладывая к этому никаких усилий. Повалив меня прямо на землю, он заломил мне руки и, подняв меня на ноги, отвесил капитальную пощечину.

– Девушка, ты приехала работать или показывать свой характер?!

– Я приехала работать в Кемер!

– А это и есть Кемер!

– Я была в Кемере! Я знаю! Я там отдыхала!

– Ты приехала не на отдых. Ты приехала работать.

Куда ты собралась, если у тебя нет ни денег, ни обратного билета?!

– Пойду в полицию!

– Не говори глупости. Тебя посадят в турецкую тюрьму, а ты даже не можешь себе представить, что это такое.

– Я позвоню Владимиру и расскажу ему о том, что ты меня ударил, и о том, что ты привез меня в горы!

– Звони. Владимир сказал, что вы очень хорошие девушки, что вам очень нужны деньги и вы хотите работать. Если ты не будешь меня слушаться, то я буду очень сильно тебя бить.

Через несколько минут нас завели в дом и привели в какую-то обшарпанную комнату. В обшарпанной комнате стояли пружинные кровати, точно такие же, как стоят в казармах или пионерских (как они теперь называются?) лагерях. Как только за нами закрылась дверь, я бросила свою дорожную сумку на пол и смахнула выступившие слезы.

– Ну что. Лен, ты молчишь? Как тебе наше жилье, впечатляет?

– Мне пока нечего говорить, – холодным голосом ответила Ленка.

– Ты хочешь сказать, что все в порядке?!

– Я ничего не хочу сказать У меня вообще пока нет никаких эмоций.

– И по поводу того, что Экрам меня ударил, у тебя тоже эмоций нет?

– В этом ты сама виновата.

– Я?! – опешила я от такого ответа своей подруги.

– Ты. Экрам просто за тебя переживал. Еще бы, ни с того ни с сего понеслась сломя голову, да еще в горы.

Ты только подумай: ночь, лес. В какую полицию ты побежала?! Да тебя бы за первым попавшимся кустом турки нагнали, отодрали и прикончили, а может быть, и в какой-нибудь гарем оттащили. Тебя бы потом вообще никто не нашел. А что еще Экраму оставалось делать, чтобы привести тебя в чувство?! Вот ему и пришлось тебя ударить.

Потому что человек несет за тебя ответственность. Видно, что он Владимира уважает и очень хорошо к нему относится. Я никак не могу понять, зачем ты такой концерт закатила?! Кому он нужен?!

– Ленка, ты какая-то наивная, ей-Богу, – произнесла я каким-то обреченным голосом. – По-твоему, все хорошо? По-твоему, все так и должно быть? Ты считаешь, что завтра нас повезут в отель?! Да твой Владимир тебя подставил. Просто подставил, и все. Мы сидим в лесу у черта на куличках. Ты хочешь сказать, что нас сейчас кто-то найдет?! Да никто!

– Знаешь, когда я отдыхала в Египте...

– И что же было, когда ты отдыхала в Египте?!

Только не забывай, что ты сюда не отдыхать, а работать приехала.

– Так вот, когда я отдыхала в Египте, я познакомилась с одной девушкой, которая приехала в Хургаду на заработки в

качестве спортивного инструктора у отдыхающих. Она приходила на пляж и проводила уроки аэробики, восточных танцев, аквааэробики. Мы с ней разговорились. Она сама из Петербурга. Она пожаловалась мне на то, что ее вместе с подругой поселили в чудовищных условиях, далеко от гостиницы. В каком-то доме им выделили кладовку в подвальном помещении, без элементарного душа, с туалетом на улице. Они боялись там спать по ночам. В кладовке ползали какие-то страшные жуки и мыши. О кондиционере они и не мечтали. Они просто изнывали от египетской жары, духоты и задыхались по ночам точно так же, как задыхается выброшенная из воды рыба. Так что не одних нас поселили в таких условиях. Тем более эта девочка работала за несчастных сто долларов в месяц.

– За сто долларов?! Она что, ненормальная?! Такие деньги можно, не напрягаясь, в Питере заработать...

– Я тоже об этом подумала, но она объяснила мне, что у нее не все в порядке со здоровьем. Ей, мол, очень подходит египетский климат.

– Бред какой-то. Как он ей подходит, если она в кладовке задыхалась?!

– Наверно, она это просто придумала, надо же было что-то ответить. Возможно, она из малообеспеченной, неблагополучной семьи и ей просто хотелось уехать из дому.

В этот момент дверь в комнату открылась, и на пороге появился Экрам. Лена встала со своей грязной кровати и улыб-

нулась.

– Экрам, уже поздно. Мы устали с дороги и очень хотим спать. Нам необходимо помыться, принять душ.

Покажи, где тут у вас ванная. И еще нам нужно чистое постельное белье. Владимир не говорил нам, что мы должны везти его с собой из России. А это...

Лена перевела взгляд на грязные простыни, которые отвратительно пахли и не менялись уже несколько месяцев, а может быть, даже и лет.

– А это ни в какие ворота не лезет.

– Куда не лезет? – не понял Экрам.

– Это очень плохое белье, – пояснила Ленка. – На таком спать нельзя. И еще нам нужны веник и совок.

Мы хотим немного прибраться в своей комнате. Мы думали, что нас привезут в лучшие условия, а тут сплошная Грязь. Для нас нет комнаты попроще?

– Это ваша комната.

Поняв, что общаться с турком совершенно бесполезно, Ленка безнадежно развела руками и быстро проговорила:

– Короче, все понятно. С тобой разговаривать, – как об стенку горох. Сами живете в грязи и русских к ней приучаете. Показывай, где туалет, душ, веник, совок и чистое белье. О работе потолкуем завтра утром.

– О работе будем говорить сейчас, – замотал головой Экрам.

– Что о ней сейчас говорить, если уже первый час ночи?!

Ты мне мозги не пудри. Руссо туристе давно спят!

Все рабочие моменты завтра обговорим. Я не из соседнего аула пришла, а из Москвы прилетела. Я спать хочу!!!

– г Пойдем говорить о работе. Бери подругу, – стоял на своем Экрам. – Там люди ждут. Поговорим, а потом будете спать.

Мы с Ленкой переглянулись. Я встала и почувствовала, как сильно застучало мое сердце. Мне показалось, что оно стучит так громко, что его слышат даже в соседней комнате.

– Ну хорошо, пойдем поговорим, – Ленка старалась казаться спокойной, но я-то знала, что ее спокойствие не стоит даже выеденного яйца. Ее ноги тряслись, а лицо бледнело с каждой минутой.

– Экрам, я что-то не пойму, какие люди нас ждут и с кем мы должны разговаривать, – влезла я в разговор.

– Вас ждут люди. Они в дальней комнате.

– Люди в дальней комнате?! Что за люди?!

– Турецкие люди.

Мы с Ленкой шли за Экрамом на ватных ногах и чувствовали неладное.

– Экрам, мы что-то не возьмем в толк, куда мы идем?! – почти хором спросили мы, пройдя по темному длинному коридору.

Экрам не ответил. Он привел нас в самую дальнюю комнату внушительных размеров, обставленную роскошными восточными диванами, где нас встретили два пожилых и туч-

ных турка. Подойдя к одному из диванов, мы с Ленкой присели на самый краешек и с опаской посмотрели на рассматривающих нас мужчин. Буквально через минуту в комнату вошел турок в белом халате и стал что-то говорить Экраму. При этом мужчины постоянно смотрели в нашу сторону и размахивали руками.

– Лена, кажется, мы вляпались, – я посмотрела на мертвецки бледную подругу и опустила глаза.

– Свет, Владимир не мог меня так подставить, – дрожащим голосом пробормотала Ленка и отвела взгляд в сторону.

– Выходит, что мог.

Встав напротив нас, Экрам слегка взмахнул рукой и совершенно спокойно сказал:

– Девушки, раздевайтесь. Вас должен осмотреть врач.

– Что?! – в один голос спросили мы с Ленкой.

– Снимайте одежду и белье. Вас хочет осмотреть врач, – все так же спокойно, без лишних эмоций вновь произнес Экрам.

– С чего бы это? Надо было раньше говорить, мы бы в России медкомиссию прошли.

– Мы не доверяем российским врачам.

– А мы не доверяем турецким врачам.

– Девушки, раздевайтесь. Уже слишком поздно.

Врач очень устал. Он далеко живет. Он хочет ехать домой спать.

– Да как мы будем раздеваться перед таким количеством

мужиков?! – первой взорвалась я.

Экрам что-то сказал двум туркам, которые просто сверлили нас похотливыми взглядами, и те вышли.

– Я не могу выйти. Врач ни слова не говорит по-русски.

– А что этот врач будет делать?

– Возьмет у вас кровь и мазки на анализ. Он скажет результат ровно через двадцать минут. Он делает экспресс-анализ.

– А зачем кровь и мазки? Если это необходимо, мы могли сделать это у себя дома.

– Я же сказал, что мы не доверяем русским врачам.

Анализы нужны для того, чтобы вы могли общаться с людьми.

– В конце концов, мы же будем с ними нетесно общаться... На черта нужны такие анализы?! – сгорала от возмущения я.

– Таковы правила. Я прошу прекратить споры.

Я не люблю работать с несговорчивыми девушками. Я сам был в России и знаю, что при устройстве на работу у вас всегда проходят медицинскую комиссию, где берут и кровь и мазки. Эту комиссию проходят везде, даже при устройстве на рынок. Этого требуют правила. Работа с людьми есть работа с людьми.

В тот момент, когда Экрам отвернулся к окну, мы разделись и с отвращением посмотрели на турка, натягивающего резиновые перчатки. Врач внимательно нас осмотрел, ощу-

пал, взял мазки и кровь. После того как он вышел, мы быстро оделись и старались не встречаться взглядом с повернувшимся к нам Экрамом.

– На сегодня все? Мы можем идти спать?!

– Нет. Надо дождаться результатов анализов.

– Зачем?

– Затем, что я должен быть уверен в том, что вы совершенно здоровы.

– А если мы не здоровы? Что тогда?! – съехидничала Ленка.

– Тогда я буду вас лечить.

– Что?!

– Если вы нездоровы, то вы будете лечиться прямо с завтрашнего дня. Мне нужны здоровые работницы, а деньги, затраченные на лечение, я вычту из вашей будущей зарплаты.

Экрам пододвинул к нам столик на колесиках и налил нам чаю. Мы с Ленкой буквально уткнулись в свои кружки и стали медленно потягивать горячий чай. Через несколько минут в комнату вновь вошел врач, а следом за ним те два тучных турка, которые, по всей вероятности, все это время стояли за дверью.

– У вас все анализы хорошие, – все так же спокойно сказал Экрам и одобрительно кивнул головой.

– Кто бы сомневался! – допила свой чай Ленка. – Мы можем идти спать?

– Нет.

– Как это нет?!

– Мои друзья хотят, чтобы вы показали им свои профессиональные навыки.

– Что?!

– Сейчас немного поработаете, а затем отправитесь спать, если уж вам так хочется. Ваша работа заключается в том, что вы должны квалифицированно обслуживать достойных людей. Секс будет такой, как пожелает клиент.

Минет, анал, групповой. Ни в коем случае ни от чего не отказываться, иначе мне придется вас бить. Значит так.

В этом месяце ровно тридцать дней. Значит, за каждый отработанный день вы будете получать пятьдесят долларов. Но только в том случае, если этот день вы отработаете честно и на вас не поступит никаких жалоб. Количество клиентов буду определять я. Если хотя бы один раз вы что-то сделаете не так или на вас пожалуется какой-нибудь клиент, то вы лишитесь тех пятидесяти долларов в день, которые вам положены. Заработная плата будет выдаваться вам в конце месяца, но начисляться каждый день.

Я буду вести специальную тетрадь, где стану отмечать, зачисляются ли каждой из вас положенные за день деньги или нет. Поэтому, возможно, одна из вас получит полторы тысячи долларов, а другая нет. Так что старайтесь, чтобы я ни в коем случае вас не штрафовал и не лишал денег.

Мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног, и я беспомощно посмотрела на Ленку.

– Лен, ты слышишь, что он говорит?!

– Слышу. Не глухая. – Ленка позеленела, раздула ноздри и тяжело задышала. – Экрам, сукин ты сын.

Ты, наверно, что-то перепутал. Мы приехали сюда работать не проститутками, а гидами. Ты, наверно, Владимира не так понял.

– Я очень хорошо понял Владимира, – все так же невозмутимо ответил Экрам. – Владимир уже три года поставляет мне проституток. Я гидами не занимаюсь.

– А ну-ка дай телефон. Я ему позвоню.

– Не могу. Звонок стоит денег, а вы еще ничего не заработали.

– Тогда дай в кредит.

– Никаких кредитов я не даю.

Я дрожащей рукой достала из припасенных денег, спрятанных в лифчике, десятидолларовую купюру и протянула ее Ленке.

– На. Дай ему. Пусть он даст тебе телефон. Наверно, произошла какая-то ошибка.

– Конечно, ошибка. Не переживай. Сейчас мы все уладим.

Ленка протянула купюру Экраму, а тот протянул ей телефонную трубку.

– Только недолго. На десять долларов много не наговоришь.

– Я быстро. Я передам трубку тебе, и Владимир сам все тебе скажет.

Набрав номер Владимира, Ленка тихонько всхлипнула и заголосила:

– Вов, привет. Это Лена. Это та Лена, которую ты отправил в Турцию на заработки. Знаешь, у меня здесь неприятности. Экрам привез нас в горы и заставляет заниматься проституцией. Произошла какая-то путаница.

Ты ему, пожалуйста, сам скажи, что он нас с кем-то перепутал, что мы приехали работать гидами. Я умоляю тебя, скажи.

Но в этот момент Ленка изменилась в лице и закричала что было сил:

– Але! Але! Связь прервалась. Можно я еще раз наберу?

– Еще один раз.

На другом конце провода бесстрастный голос ответил, что абонент недоступен.

Ленка протянула трубку Экраму и посмотрела на меня ничего не понимающими глазами.

– Лен, что такое?

– Представляешь, он меня не узнал.

– Как это не узнал?

– Он сказал, что он никакую Лену не знает и вообще никого в Турцию не отправлял. А теперь он выключил телефон.

Ленка вновь посмотрела на Экрама и произнесла еще раз, по всей вероятности, сама не веря собственным словам:

– Там что-то со связью. Экрам, а ты не знаешь номер его городского телефона, а то с мобильным какой-то непорядок?

У нас мобильная связь очень плохая. Некачественная, понимаешь?! Компаний полно развелось, а качества никакого нет.

– Я не знаю номер городского телефона Владимира, потому что он никогда не отключает свой мобильный и по нему можно дозвониться в любое время суток. Если он его отключил, значит, он не желает разговаривать.

Ленка закрыла лицо руками и тихонько всхлипнула.

– Свет, я не понимаю, что здесь происходит. Что происходит-то?! Ты же видела Владимира... Ты же тоже с ним общалась... Ты же знаешь, что он не мог. Он не мог...

Но ты же сама его видела. Я знаю Владимира много лет.

Он всегда был потрясающим любовником... Он всегда обо мне заботился... Помогал... Он не мог...

– Я тоже знала Костика много лет, и он тоже мне помогал и заботился... Лен, неужели ты до сих пор не поняла, что твой Владимир нас самым наглým образом кинул?

Ну что ты стоишь, глазами хлопаешь?! Что, думаешь, связь прервалась?! Ни хрена там ничего не прервалось!

Все нормально функционирует, просто мобильный телефон тем хорош, что его можно отключить. Не узнал он тебя, говоришь? Как же! Эх, ты...

– Свет, ну а за что он меня так? Да и тебя тоже...

Что я ему сделала? Я ведь никогда не вела себя вульгарно и не говорила ему о том, что мечтаю стать проституткой. Где я допустила промах, что он именно так обо мне подумал?

Что, в конце концов, я сделала не так?!!

– Я тоже долго задавала себе этот вопрос после того, как от меня ушел муж. Где я допустила промах и что я сделала не так?.. Наверно, все дело в том, что мы женщины, а они мужчины. А Владимир твой обыкновенный торговец живым товаром. Правильно ты говорила, что он криминальным бизнесом занимается. Это и есть криминальный бизнес.

Видимо, Экраму надоело следить за нашей беседой.

Он нахмурил брови, сдвинул их на переносице и посмотрел на нас исподлобья.

– Девушки, хватит разговаривать. Раздевайтесь и покажите этим почтенным господам, на что вы способны.

Сегодня вы отработаете без оплаты. Деньги вам начнут начисляться с завтрашнего дня, потому что именно завтра вы выходите на работу и у вас начинается первый рабочий день. Сегодня вы проходите контроль на свое мастерство.

Так сказать, проверка качества. Да, забыл вам сказать, что в критические дни вы можете брать выходные и отдыхать.

Критические дни не оплачиваются. Правда, некоторые ваши предшественницы все же старались не терять в заработке. Они выходили на работу и занимались только анальным и оральным сексом. Если клиентов это устраивало, я был не против. Давайте раздевайтесь, а то эти почтенные господа устали ждать. Они всегда пробуют новеньких.

– Подождите, – мой голос дрожал, да и не только голос. – Подождите, пожалуйста. Понимаете, произошла ошибка.

Когда мы сюда ехали, то мы думали, что будем заниматься совсем другим. У нас даже контракты есть.

В них все сказано. Мы можем их вам показать. Там стоят наши подписи.

– Мне не нужны ваши контракты! – уже совсем раздраженно ответил Экрам.

– Но ведь мы их подписывали.

– Ваши контакты – это просто бумажки, они не имеют никакой юридической силы.

– Хорошо. Мы понимаем, что нас обманули, и хотели бы исправить положение. Мы также понимаем, что Владимир потратился на наши билеты. Мы готовы за все заплатить и даже за моральный ущерб, который мы вам доставили. Мы все оплатим с лихвой, обещаем. Понимаете, у меня в Москве есть хорошая, большая квартира в довольно престижном доме. За такими квартирами просто охотятся покупатели. Я вас очень прошу, отправьте нас, пожалуйста, обратно на родину. Я, как приеду, сразу пойду в агентство недвижимости и обменяю эту квартиру на меньшую. Это делают довольно быстро, уж поверьте мне. Я получу деньги и тут же поеду к Владимиру и заплачу ему за ваш моральный ущерб. Я и за Ленку тоже заплачу. Сколько скажете, столько и заплачу. Поймите, у меня в Москве осталось двое маленьких детей, мама которых была всегда добропорядочной женщиной, и даже если моим детям совсем будет нечего есть, я пойду мыть полы, но никогда в жизни не опущусь до того, чтобы стать прости-

туткой.

– Раздевайтесь. Мы не хотим ждать никаких денег, – голос Экрама был очень злобным и очень властным.

Казалось, что турок не пойдет ни на какой компромисс.

– Хорошо. Если вы не хотите ждать, пока я буду обменивать квартиру, вы получите деньги сразу. Отправляйте нас в Москву. Пусть там нас встречает Владимир.

Сразу, прямо из аэропорта, мы заедем в одно место и возьмем необходимые деньги.

– А где ты деньги-то возьмешь? – спросила бледная Ленка.

– К Костику поедем. На колени встану и перед ним, и перед молодой женой. Не за себя просить буду, а за детей.

– Он не даст.

– Даст. Он не допустит, чтобы я у его дверей голосила и на коленях ползала.

– Девушки, хватит. Если вы сейчас не разденетесь, мне придется вас побить. Вы не уедете на родину, пока не отработаете свои положенные три месяца. Это мое последнее слово.

Мы с Ленкой беспомощно переглянулись, но переглядываться было бессмысленно... К нам подошли два тучных турка, скинули с себя национальные халаты и... остались в чем мать родила.

– Якши... Якши... – забормотали они и стали подходить к нам как можно ближе.

Мы попятились к стене, но и это не принесло никакого

результата. В тот момент, когда ко мне вплотную приблизился один из турок, я громко закричала и ударила его коленом в пах. А дальше ко мне подскочил Экрам с плеткой в руке. Замахнувшись на меня толстой плеткой, он несколько раз хлестнул меня ей, очень сильно и очень больно. Мне показалось, что мое тело затрещало по швам. Я закричала и провалилась в обморок... Когда я очнулась, то, давясь от боли, унижения и позора, молча терпела то, что проделывали со мной жирные турки. Сначала со мной. Затем с Ленкой... Потом опять со мной... А затем с нами двумя, и со мной и с Ленкой... Когда Ленка теряла сознание, они набрасывались на меня и проделывали со мной все, что хотели. Когда теряла сознание я, они набрасывались на только что очухавшуюся и открывшую глаза Ленку...

Когда я упала на пол и застонала от дикой боли, довольные турки принялись надевать свои халаты и удовлетворенно качать головами.

– Вы успешно прошли испытание, – похвалил нас Экрам и обменялся с турками дружескими рукопожатиями. – Молодцы. Вы доставили этим людям удовольствие.

А теперь идите примите душ, который находится рядом с вашей комнатой, и ложитесь спать. Утро вечера мудренее.

Завтра у вас тяжелый рабочий день. Завтра я вам покажу комнаты, в которых вы будете и жить и работать. Спокойной ночи.

Мы прикрылись разорванной одеждой и молча поплелись

по длинному коридору. Болело буквально все.

Ноги, грудь, спина, низ живота... Кое-как приняв душ, я плюхнулась на железную кровать и заревела.

На соседнюю кровать легла Ленка и заревела еще громче. Когда мы обе немного успокоились, Ленка поджала под себя грязную подушку и прошептала:

– Свет, прости меня, пожалуйста.

– За что? – так же шепотом спросила я.

– За то, что все так вышло.

– Да ты-то тут при чем?..

– Как это при чем? Я же тебя сюда притащила.

– Никто меня не тащил. Я сама сюда приехала. Господи, какая же я дура. Дура какая! Добропорядочная мать двоих детей... Ленка, я больше жить не хочу.

– Не говори ерунды. Нельзя из-за мужиков жизни лишаться. Ни один мужик этого не стоит. Ни один. Мы отсюда сбежим. Вот увидишь, сбежим и забудем все это, как страшный сон. Кто про это знает? Ты да я... Больше никто. Так вот никто и не узнает. Вычеркнем это из памяти, и все тут.

– Да разве можно такое вычеркнуть?

– Можно. В памяти нужно оставлять только хорошее, а все плохое нужно вычеркивать. Ты вычеркнешь Константина. Я вычеркну Владимира. Турцию тоже на хрен. Все будет нормально. Я тебе обещаю. Я дверь подергала. Нас закрыли. Но это только на первое время.

До тех пор, пока они не поймут, что мы сбегать никуда

не собираемся, и не потеряют бдительность. Не будут же нас пожизненно взаперти держать. При первой же возможности отсюда сиганем.

– Куда?

– Куда-нибудь.

– Пока нас пробовали эти грязные турки, кто-то порылся в наших сумках и вытащил паспорта. Тех денег, которые были у меня в лифчике, тоже нет.

– Ничего. Главное сбежать.

– А куда бежать-то без денег и паспортов?

– Куда глаза глядят. Свет, что ты такие вопросы задаешь?

В самом деле, не сидеть же нам всю свою жизнь в этой хибаре и не обслуживать турков! Найдем посольство или примкнем к русским туристам и попросим помощь.

А еще лучше обратимся в полицию.

– Тогда нас посадят в турецкую тюрьму.

– Пусть. По мне лучше турецкая тюрьма, чем панель.

– По мне тоже.

– Полиция нас задержит. Начнет вести расследование, станет выяснять, как мы сюда прибыли. Мы расскажем, как нас прятали в этом доме и как принуждали заниматься проституцией. То, что нас переправили сюда обманом, само по себе уже считается преступлением.

А такими вещами занимается Интерпол. Моя мать, если узнает, куда я попала, всех на ноги поднимет: и Интерпол, и министерство иностранных дел. А я ей при первом же удоб-

ном случае позвоню. Она дойдет до любой инстанции, ни перед чем не остановится и обязательно добьется того, чтобы нас отправили домой. Ты же знаешь мою мать?

– Знаю.

– Ей палец в рот не клади. Он все кверху дном перевернет, а до правды докопается.

– А она знает, куда ты поехала?

– Знает. Только вот Владимира она не знает, но ничего, я ей его координаты обязательно дам. Она его в тюрьму упечет. Я думаю, что в нашем Уголовном кодексе есть статья за торговлю живым товаром. Нам главное, отсюда выбраться и явиться в полицию. Посидим немного в тюрьме, пока их власти будут разбираться, что с нами делать. Подумают-подумают и на родину обязательно отправят.

– Господи, Ленка, как же у тебя все легко, – давась от обиды, проговорила я.

– Ничего особенного. Просто я умею из любой ситуации находить выход.

Ленка немного помолчала и как-то осторожно спросила:

– Свет, а ты еще не передумала Костика убить?

– Нет.

– Знаешь, я тоже, как только денег раздобуду, обязательно с Владимиром расквитаюсь.

– Ты тоже хочешь его убить?

– А почему бы и нет. Найдем нормального киллера.

Обратимся к нему сразу с двумя заказами. Оптовикам

скидка. А у нас как-никак опт, хоть и малый. В этом деле большого опта не бывает.

– И где мы киллера найдем? Дадим объявление в газету? Мол, требуется молодой профессионал, имеющий собственное оружие с глушителем, для ликвидации двух объектов мужского пола. В случае успеха и отсутствия неприятных последствий хорошее вознаграждение гарантируется.

– Нет, не так. Через газету мы никого искать не будем. Хотя, если хочешь знать, не только заказчики ищут клиентов, но и клиенты ищут заказчиков. Если тебе может попасться объявление типа: «Молодой человек выполнит любое ваше поручение за определенную плату точно и в срок», то это то, что надо. Просто это так завуалировано. Киллеру найти клиента тоже трудно. Не может же он стоять на рынке с табличкой о своих услугах. Но и в таких объявлениях надо быть осторожной. Причем предельно осторожной. Такие объявления могут быть и ментовскими. Менты дают подобное объявление и смотрят, кто попадется на удочку. На кого можно затем все нераскрытые «глухари» навешать. У меня так один приятель попался. Ему надо было гербовую печать заказать для того, чтобы, какую-то доверенность подделать. Он раньше всегда газету «Из рук в руки» открывал и такое проделывал по объявлениям. Там объявлений полно, где не надо никаких документов предоставлять. Просто на квартиру едешь, заказываешь, а затем приезжаешь и забираешь.

Простая печать подешевле, гербовая подороже. Ты не зна-

ешь, как мастера зовут, а мастеру нет никакого дела, как зовут тебя и для каких целей тебе это нужно. Только такие мастера часто съемные квартиры меняют для того, чтобы их менты не просекли. Все-таки подделка документов как-никак. Вот и приходится их по газете вылавливать. Сегодня они по одному телефону, а завтра по другому. Ну, вот мой приятель позвонил по одному объявлению и спрашивает: мол, вы печати без документов делаете?

А там говорят: мол, не телефонный разговор, приезжайте, поговорим на месте. Обычно именно так и отвечают.

Он приехал, привез оттиск гербовой печати, заказ сделал, а как только из квартиры вышел, его тут же менты взяли.

Это я к тому говорю, что с объявлениями надо быть осторожными. Никогда нельзя терять бдительность. Но мы с тобой по объявлениям никого искать не будем. Мы киллеров так найдем.

– Где?

– У меня связи есть, не переживай.

– Мне что-то уже твоими связями пользоваться не хочется.

– Как знаешь. Это твое дело, но я Владимира все равно замочу. Господи, а ведь я ему верила. Он никогда меня даже словом не обидел. По ресторанам водил. В постели был таким ласковым, таким нежным. Ласковые слова любил говорить, особенно когда был в экстазе.

Кто бы мог подумать, что он мне такую свинью подложит!

Гад.

Когда мы замолчали, я услышала, как тихонько всхлипывает Ленка, но даже не пыталась ее успокоить, потому что успокоиться нужно было не только ей, но и мне самой. Я закрыла глаза и подумала о своих детках...

Бабуля уже накормила их вкусным ужином и уложила спать. Катенька по ночам так беспокойно спит. Ворочается, вскрикивает... Я водила ее к доктору. Доктор выписал какие-то успокоительные капельки, но и они не помогли.

Врач сказал, ничего страшного, обычный лунатизм, но мне от этого стало не легче. С тех пор, как от нас ушел Костик, дочка стала еще тревожнее и каждую ночь просыпалась от собственного крика в холодном поту. Сашка спит спокойно и" даже так мило посапывает. Он же будущий мужчина и теперь уже единственный в нашей семье. Зато когда он вырастет, он обязательно будет меня защищать. Меня, маму, свою сестренку. Он станет нашей опорой и защитой, и, наверно, это будет единственный мужчина в моей жизни, на которого я всегда смогу положиться.

А затем я почему-то подумала о Костике, о его последнем дне рождения, который мы справляли все вместе... Мы гуляли в парке. Дети катались на каруселях.

Я просто умирала от счастья и смотрела мужу в глаза взглядом, полным любви и благодарности. В этот день я сделала красивую прическу и даже надела юбку покороче, совсем как несколько лет назад. Раньше при виде этой юбки

Костик ревновал и ругался. Он говорил, что мои красивые ноги принадлежат только ему и он не хочет, чтобы их видел кто-то еще. Я смеялась и говорила: мол, пусть мужики смотрят и завидуют. Мол, они смотрят, хотят, а потрогать не могут, потому что это не им принадлежит.

На чужой каравай рот не разевай. Но мои уговоры совершенно не действовали на мужа. Он был непреклонен, и мне пришлось отказаться от подобной одежды. Я не хотела расстраивать своего мужа. Зачем? Ему и на работе проблем хватает. Тем более каждую ночь он может видеть мое обнаженное тело – он один, без всяких там любопытных глаз. Так вот, на его день рожденья я нашла короткую юбку и хотела хотя бы немножко подразнить Костика, но он ее не заметил. Он просто не обратил на нее внимания.

Он не обратил внимания ни на мою юбку, ни на плотоядные взгляды мужчин, в упор рассматривающих мои ноги.

Он вообще был какой-то странный... Он постоянно куда-то звонил, нервничал. Наверно, он звонил той, с которой сейчас живет. Я чувствовала, что он вроде бы со мной, а вроде бы и нет. Вроде бы он где-то там, совершенно в другом месте... Получается, что телом он был со мной, а душой с ней.

Господи, но разве так можно?... Получается, можно.

Я бы не смогла. Я бы ей-Богу так не смогла...

– Свет, а у тебя кто-нибудь, кроме Костика, был? – тихо спросила Ленка.

– В смысле?

– В смысле того, ты еще с кем-нибудь спала?

– Нет. Только Костик.

– Тебе тяжелее.

– Почему?

– Потому что психологическая травма у тебя сильнее. У меня мужиков полно было, никаких пальцев не хватит считать. Некоторых даже не вспомню.

– А зачем тебе их так много?

– Как это зачем? Я постоянно искала одного-единственного. Знакомишься с одним, ничего не получается, а сама знаешь, что никакие отношения не могут развиваться без постели. Ищешь следующего – тоже ничего хорошего. Хочешь методом проб и ошибок найти одного-единственного, но он никак не находится. В жизни так всегда получается. Одни с первого раза свою судьбу хватают за хвост и живут со своей половинкой, а другие всю жизнь ищут, и глухо. Может, вранье все это про эти половинки. Может, это специально кто-то придумал, чтобы людям голову морочить. Нет этих половинок и не было никогда. Никто меня не половинил. Я единственный, целостный организм. А ты что, правда, Костику ни разу не изменяла?

– Правда. Я об этом даже никогда не думала. Лен, давай спать. Неизвестно, что нас ждет завтра.

– Давай, – Ленка перевернулась на другой бок и заскрипела пружинами. – Кровати – как из пионерского лагеря, ей-

Богу. Все бока прямо болят.

– Хорошо, если эти бока только от кроватей болеть будут, а не от чего другого.

Я закрыла глаза и медленно провалилась в сон. В эту ночь мне совершенно ничего не снилось. Ничего. Только какая-то пустота. Тихая, зловещая и даже какая-то жестокая...

Глава 6

Мне показалось, что я проспала всего несколько часов. Когда я проснулась, на улице только начинало светать. Подойдя к небольшому окошку с толстой железной решеткой, я постояла у него несколько минут и, посмотрев на спящую Ленку, смахнула слезы. Ленка сладко посапывала и видела, наверно, какие-нибудь красочные сны. Подергав закрытую дверь, я с грустью подумала, что Экрам перестраховался и не вспомнил даже о том, что кому-то из нас может понадобиться сходить в туалет.

Сев на краешек своей кровати, я закрыла лицо ладонями и стала настраивать себя на то, что я должна как-то держаться и стараться не сойти с ума. Денег на обратную дорогу у меня не было. Ни денег ни лифчика, в котором они лежали... Ни документов, ни уж тем более обратных билетов. Если бы кто-нибудь раньше сказал мне, что Турция меня так встретит, я бы ни за что не поверила.

Просидев на кровати до самого утра, я вздрогнула, когда увидела, что открывается дверь в комнату. На пороге появился сонный Экрам, переключивший из руки в руку мобильный телефон.

– Я разговаривал с Владимиром.

– Что? – Ленка моментально подняла голову и потерла глаза.

– Я разговаривал с Владимиром. Он передал вам наилучшие пожелания. Он сказал, что не нужно паниковать.

Нужно работать. Заработаете денег на обратную дорогу и вернетесь домой. Да и не только на обратную дорогу, но и на жизнь. Турки любят русских девушек. Они их очень любят. Поэтому клиентов у вас будет много. Русские девушки красивые и очень дешевые.

– А что ж вы своих местных не трахаете?! Что ж вы нашего брата дурачите и обманом сюда привозите?! Где ж ваши турецкие королевны?! – буквально взорвалась только что проснувшаяся Ленка.

– Наши женщины чистые. Они святые. Их надо беречь.

А русские Наташи только делают вид, что им неприятно то, чем они занимаются, а на самом деле их все устраивает. Они для этого рождены. Они от природы проститутки.

– А ваши женщины кто от природы?

– Наши женщины никогда не наденут ни купальник, ни короткую юбку. Они соблюдают традиции и выполняют свое предназначение – поклоняться мужчине, рожать детей и хранить семейный очаг. Давайте больше не будем говорить на эту тему.

Окончательно поднявшись, Ленка с особой брезгливостью посмотрела на свою кровать и недовольно фыркнула.

– Экрам, эта постель не менялась несколько лет.

Мы не ваши турецкие женщины, которые могут жить в грязи, не мыться годами и вонять так, что, проходя мимо

них, невольно зажимаешь нос. Мы совсем другие. Русские женщины привыкли жить в чистоте. Надо поменять постель. Это ты своим теткам стели, а мы в таком дерьме спать не будем.

– Сейчас я вас переселю в другие комнаты. Вы будете отдельно жить и отдельно работать.

– Но мы не хотим жить отдельно, – я вдруг подумала о том, что сейчас или меня, или Светку перевезут в другое место, и оттого, что мы можем потерять друг с другом связь, мне стало просто невыносимо.

– Вы будете жить в соседних комнатах.

– Экрам, а ну-ка дай телефон. Я еще раз позвоню Владимиру, – что-то придумала Ленка.

– Звонки закончились. Владимир передал вам, чтобы вы его больше не беспокоили. Он сказал вам, что вы должны быть ему благодарны за то, что он переправил вас за границу и дал вам возможность заработать.

– Даже так? Хорошо. Мы его по приезде отблагодарим. Мы его так отблагодарим, как его еще никто в жизни не благодарил, – Ленку слегка затрясло. Я даже перепугалась и подумала, что у нее началась лихорадка.

– Лен, ты что?

– Да ничего. Это просто нервы. Я вот сегодня полночи уснуть не могла. Лежу и думаю: Господи, мне бы только до родной земли добраться. Только бы добраться.

Я бы с этим козлом рассчиталась. Я бы с ним за все рас-

считалась. Я бы за всех отправленных сюда девчонок его наказала. Я бы такую изощренную смерть ему придумала, чтобы он умирал в чудовищных муках и молил меня о пощаде. Знаешь, я подумала, что нынче киллера найти не проблема. Только свистни, их знаешь сколько набежит.

Проблема в том, чтобы найти деньги на киллера. Вот это настоящая проблема. Такое удовольствие, как замочить гада, нынче очень даже недешевое. Так вот, если я киллера не найду, я его сама замочу. Ведь оружие купить намного легче, чем оплатить услуги профессионального киллера. А не найду оружие, возьму молоток, положу в пакет и приду к Владимиру в гости. Скажу: мол, давай вспомним старые добрые времена. Выкатывай бутылку коньяка на стол. Посидим, выпьем, любовью займемся.

Мол, меня от благодарности за то, что он мне путевку в жизнь дал и возможность подзаработать, аж распирает.

Мне даже кажется, что меня самой стало много. Пока этот дурак бутылку доставать будет, я выну из пакета молоток и как дам ему по его никчемной и ужасной голове! Да не просто ударю... Я в этот удар столько силы, озлобленности и ненависти вложу, что у него черепушка треснет и расколется на кусочки. Конечно, была бы моя воля, я бы его сама в Турцию на заработки отправила. Как жаль, что у нас только женщины так бесправны. Почему для мужиков нет никаких борделей или притонов, где бы они могли содержаться и выполнять все женские прихоти?! Почему такая несправедли-

вость?! Кстати, Светка, если тебе надо Костика убрать, то ты никого не ищи и деньги попусту не трать. Тебе, в конце концов, двух ребятишек поднимать.

Тебе деньги намного нужнее, чем мне. Я одна могу с хлеба на воду перебиться, а твои детки не перебьются. Так вот, это я все к тому, что если тебе надо Костика замочить, то я его сама замочу. Смело обращай ко мне. Сделаю это безвозмездно, чисто по-дружески, из самых лучших побуждений. Тем же самым молотком по тому же самому месту. Какая разница, за одного сидеть или за двоих, семь бед – один ответ.

– Хватит болтать, пора работать, – злобно перебил Светку Экрам и показал нам на выход. – И почему русские женщины так много говорят?! От их болтовни у мужчин уши начинают болеть. Турецкие женщины молчат и не раздражают мужчин.

– Наверно, это оттого, что турецким женщинам по жизни ничего не надо. Ни шмоток приличных, ни отдыха, ни внимания, ни чистого белья, ни нормального человеческого общения. Они неприхотливы, как бродячие собаки.

Им бы только сидеть и печь лепешки, – заключила Ленка, поднялась и отряхнула помятую одежду. – Я сегодня одетая спала, как турецкая женщина. Они же у вас годами не раздеваются. Даже когда трахаются, только юбку поднимают, и все. Я раздеться боюсь. Мне кажется, меня сразу клопы кусают. Интересно, у вас в Турции есть клопы или нет? Наверно, так же, как и везде. Ваших-то баб небось не кусают.

Они же наденут на себя по десять платьев. А в этих платьях столько грязи, что там любой клоп кверху ногами упадет.

– Хватит! – не выдержав, крикнул Экрам. – Хватит галдеть, как вороны. Берите свои дорожные сумки и идите за мной.

Каждой из нас выделили по небольшой отдельной комнате, которые находились по соседству, через стенку друг от друга. В комнате, к моему удивлению, был кондиционер, от которого мне стало немного легче. Посреди комнаты стояла низкая широкая кровать, выполненная в восточном стиле. У стены точно такой же низкий шкаф, примерно по пояс или даже ниже. Прямо в комнате находилась душевая кабина, где была как холодная, так и горячая вода. Пока Ленка разбирала вещи в своей комнате и складывала их в шкаф, Экрам стоял рядом со мной и наблюдал за моими действиями.

– Тут чистая постель, – показал он мне на кровать. – Можешь поднять покрывало и убедиться.

– Очень хорошо, – почти беззвучно выдавила я.

– А почему у тебя так мало вещей, а у твоей подруги так много?

– У меня было предчувствие, что вещи мне совсем не понадобятся.

– А что, правда, что у тебя двое детей?

– Правда, – я почувствовала, как на моих глазах показались слезы.

– Ас кем ты их оставила?

– С мамой.

– У тебя такая красивая фигура, так с виду и не скажешь, что у тебя двое детей...

– Я старалась не распускать себя после родов.

– В прошлом году здесь работала одна девушка с Украины, так у нее было трое детей. Зачем рожать детей, чтобы потом быть проституткой?

– Я не собиралась быть проституткой. Я же уже тебе, по моему, объясняла, что мы попали сюда обманным путем. Нас обманул Владимир – Все равно, ты взрослая женщина И должна понимать, что на свете бывает обман.

– Я поплатилась за свою излишнюю доверчивость.

Просто у меня была страшная депрессия.

– А что это такое? Как это по-турецки?

– Я не знаю, как это будет по-турецки, я вообще по-вашему ни слова ни знаю, забыл, что ли? Ну в общем, мне было все безразлично. Буквально все. От меня ушел муж, и жизнь потеряла всякий смысл. Возможно, если бы я была в другом, нормальном состоянии, я бы отказалась от идеи заработать таким образом, а тогда я была слишком слаба, чтобы что-то соображать. Я соглашалась буквально на все. Я хотела куда-нибудь уехать, поменять обстановку для того, чтобы все забыть...

– Считай, что тебе не повезло. Я не могу тебе ничем помочь.

– Но почему?

– Потому что таких, как ты, я видел очень много.

Поначалу все плачут, пытаются покончить жизнь самоубийством, у них начинается... как это ты назвала?

– Депрессия.

– Вот-вот, депрессия. Иногда я не мог спать по ночам, потому что слышал, как плачут закрытые в комнатах девушки. Кричат, орут, зовут своих мам и просят о помощи.

Но все-это происходит только в первое время. Затем они успокаиваются, привыкают и начинают нормально работать. Не проходит и месяца, как они крепко спят после тяжелого трудового дня и уже не выдавливают из себя даже слезинки. Человек привыкает ко всему. Ты тоже привыкнешь. Некоторые девушки даже не уезжают домой, а остаются здесь и работают дальше. Они говорят, что уж лучше работать в Турции и спать с турками, чем жить в России и спать с русскими мужиками. Они считают, что здесь меньше позора. Здесь их никто не знает. Турки просто трахают и не лезут... как эта штука называется? Забыл.

– Душа, – произнесла я обреченным голосом.

– Правильно. Турки не лезут в душу и ни о чем не спрашивают девушку, а уж тем более ее не стыдят.

А русские лезут в душу, начинают девушку стыдить и чему-то учить. Они говорят, что это тяжело морально. Здесь, в Турции, они зарабатывают деньги, приезжают на Родину и ведут нормальную, обыкновенную жизнь, и никто не знает,

чем они занимались за границей. Никто этого не знает, кроме них самих. Это остается их тайной. За границей они не занимаются тем, чем занимались в России. Они стараются не вспоминать о том, что с ними было. А если их кто-то и спросит, то они говорят, что работали нянями, горничными или танцевали в ночных клубах. Так что наберись терпения. Никто никогда не узнает, чем ты тут занималась. Ни твои близкие, ни твои дети. Ты будешь просто зарабатывать деньги. В данном случае ты будешь их зарабатывать своим телом, потому что ничего другого от тебя не требуется. Ты говоришь, что приехала сюда, потому что тебя бросил муж? Надо было искать такого мужа, который бы тебя не бросил.

– С такими у нас большая проблема.

– Вот видишь. Вы смеетесь над турецкой женщиной, но турецкую женщину никогда не бросит мужчина. У нас совсем другие нравы в отношении наших женщин. Турецкой женщине не надо зарабатывать деньги. Ее содержит мужчина. Вы сами сделали своих мужчин такими, что они именно так к вам относятся. Вам не нравится, как к вам относятся турецкие мужчины? Так ваши русские мужчины к вам относятся еще хуже, если они могут бросать вас с детьми... Турецкий мужчина никогда не сможет бросить женщину, а уж тем более ребенка. Если вас не уважают ваши же русские мужчины, то почему вас должны уважать иностранные?!

– Уж лучше я буду брошенной русской женщиной, чем неброшенной, но любимой турецкой женой, – грустно сказа-

ла я и с ужасом представила себя в турецком бесформенном черном платье и точно такой же косынке. – Они ведь после замужества одеваются во все черное. Это значит, что у них начинается черная жизнь.

– Ну вот и будь проституткой, чтобы у тебя жизнь была белая, – недовольно бросил Экрам и вышел из комнаты.

Как только за Экрамом закрылась дверь, я сжала кулаки и постаралась сдержать слезы. Именно с этого дня у нас началась работа. Страшная, грязная и однообразная. Я старалась побороть тошноту, закрывала глаза, сжимала кулаки, а нижнюю губу кусала до крови и лежала, как мумия, стараясь не слышать чужого, громкого дыхания, не чувствовать страшный запах пота, исходящий от немых тел, не видеть похотливые взгляды и не реагировать на эти мозолистые руки с засохшей грязью под желтыми ногтями.

Иногда, когда мне просто хотелось умереть под чужим, потным телом, я вспоминала наши ночи с Константином, те, что были в самом начале нашей семейной жизни.

Мы испытывали неземное блаженство, клялись в вечной любви и засыпали в крепких объятиях друг друга. Когда я просыпалась среди ночи и говорила мужу о том, как сильно его люблю, муж поднимал голову и с особой нежностью целовал мое лицо. Но это было так давно, что мне даже кажется, будто этого вовсе и не было. Ни ночей, ни Константина, ни той жизни, которая называется семейной.

А затем, когда все заканчивалось, я ощущала сумасшед-

шую тяжесть на душе и чувствовала, как мне хочется заорать и наложить на себя руки. Я не могла себе даже представить, как смогу вернуться на родину и посмотреть в глаза своей маме и детям. И все же... все же я мечтала о побеге. Только я не могла себе представить, куда мне нужно бежать, чтобы получить хоть какую-то защиту. У меня не было ни денег ни документов. У меня вообще ничего не было. Я находилась в горах, окруженных густым лесом.

Если даже мне удастся выбежать на трассу и поймать попутную машину, то где гарантия того, что остановившийся турок не увезет меня в новый бордель или не изнасилует сам, поделившись потом со своими друзьями. Чтобы ни говорила Ленка, я знала одно и даже, по-моему, где-то про это читала, что российские посольства и всевозможные представительства за рубежом не особенно любят общаться с подобными девушками, не говоря уже о том, чтобы им помогать. В таких случаях спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Каждый день ко мне приходил Экрам и зачастую говорил мне о том, что какой-то клиент остался мной недоволен. Это значит, что за сегодняшний день я лишаюсь своих положенных пятидесяти долларов.

– Гости жалуются, что ты лежишь, как бревно, и палец о палец не ударишь. Я не могу платить тебе деньги за то, что ты получаешь удовольствие и ничего не делаешь! – довольно громко ругался он.

– А что я должна делать?! О каких удовольствиях ты го-

воришь? – спрашивала я его сквозь рыдания. – Да я, кроме отвращения и брезгливости, ничего не испытываю!

– Надо быть активнее. Изображай стоны и старайся доставить мужчине приятное.

Поняв, что я просто могу потерять рассудок, я подскочила со своей кровати, встала перед Экрамом на колени и горько произнесла:

– Экрам, миленький. Отправь меня на родину. Я тебе за все заплачу. Я тебе деньги вместе с туристами передам.

Я тебя умоляю. Не мое это. Я тебя не подведу. Иначе я просто наложу на себя руки. Не могу я с чужими мужиками спать. Не могу...

– Можешь, – Экрам пнул меня ногой. Удар пришелся прямо по лицу, я взвыла от боли и отползла от него подальше.

– Не могу!

– Можешь. Русская женщина все может. Если ты и дальше будешь так же плохо работать, я посажу тебя на хлеб и воду и начну бить плеткой. Ты умрешь от побоев.

Это страшная и мучительная смерть. Ты должна понять, что надо стараться. Это твой единственный выход. Другого у тебя нет. Жаловаться бесполезно. Никто тебе не поможет. Бежать тоже бесполезно. Кругом горы.

Народ тут дикий. Для них русская женщина в диковинку. Поймают, отведут в какую-нибудь землянку и будут насиловать каждый день всем аулом, пока ты совсем не отдашь концы. В общем, это мое последнее предупреждение.

Вечером в комнату вошла измотанная Ленка и села рядом со мной на кровать.

– Ты как? – глухо спросила она и поправила свое разорванное платье.

– Зачем ты спрашиваешь? Ты же знаешь ответ.

– Сдохнуть хочется. Мы здесь уже неделю, а Экрам нам даже копейки не начислил. Говорит, что плохо работаем.

– И не начислит. Он что, дурак, что ли... Он нас может только использовать, как бесплатную рабочую силу, и все. Тут вообще никто никому денег не платит.

– Свет, а что делать?! Бежать? Но куда? На ночь дом запирают. Я к окну подхожу, и мне страшно становится. Кругом только лес и горы, горы и лес.

– Тем более что в горах народ дикий. Здесь есть хоть какой-то шанс вернуться на родину, но если нас в горах поймут, то у нас вообще никаких шансов не будет не то что куда-то вернуться, но даже и выжить.

– Что же делать?

Энергичная от природы, Ленка была не похожа сама на себя. Она сложила руки на коленях, как примерная школьница, а в ее глазах читалась бесконечная жалость.

Жалость ко мне, к себе, к нашему настоящему и даже к нашему будущему. Больше у нее не было ни идей, ни планов, ни замыслов.

Она сидела в оцепенении, не в силах вымолвить ни слова.

– Нужна машина, – неожиданно произнесла я.

– Что?

– Нужна машина.

– Для чего?

– Для того, чтобы отсюда сбежать. Мы же не можем носить сломя голову по лесу и горам. Если мы сядем в машину, то сумеем добраться до Кемера, а там пойдем в первый попавшийся полицейский участок. Когда нас сюда везли, я видела, что рядом с домом стоял старенький микроавтобус и еще какой-то драндулет. Думаю, что хоть один из них на ходу.

– А ключи?

– С ключами нужно подумать. Наверно, они у Экрама. Придется его хорошенько хлопнуть.

– Как? Ты предлагаешь его убить?

– Ну почему сразу убить?! Ударить, для того чтобы его временно вырубить. А иначе как мы завладеем ключами?

Ленка слегка закинула голову и поправила упавшие на глаза волосы.

– Светка, мы должны что то делать. Должны. Так долго продолжаться не может. Всему есть предел, даже собственному унижению и терпению. Я такой секс в гробу видала. Никаких прелюдий и хотя бы минимальных ласк.

Чисто механический секс на сухую. А вчера ко мне вообще пришли два урода. Они мочалили меня несколько часов подряд, проделывали со мной все, что хотели.

От страшной боли и унижения я потеряла сознание, а ко-

гда очнулась, уже никого не было. Я долго ревела и с трудом доплелась до душа, чтобы смыть с себя остатки чужого пота. Мне показалось, что мне разбили все внутренности.

У меня даже открылось кровотечение. Вечером зашел Экрам и сказал, что господа мной недовольны. Мол, я плохо отработала, потеряла сознание, и им пришлось совокупляться с телом, которое даже не шевелилось. Он лишил меня денег и сказал, что если я буду так плохо работать, то он посадит меня на хлеб и воду. Я попросила позвать врача. Сказала, что у меня страшные разрывы и кровотечение. Он потребовал, чтобы я ему их показала. Мне уже все было безразлично, и я показала их Экраму.

Он слегка побледнел и дал мне два дня выходных. Сказал, что никакой врач ко мне не приедет. Дал мне какую-то затягивающую мазь и велел немедленно привести себя в порядок. А позавчера мне вообще попался турок, склонный к садизму. Он лупил меня своими здоровенными кулачищами размером с мою голову. Я думала, что он меня просто порвет. Я пришла к Экраму в ссадинах и синяках за помощью. Просила его сделать какой-нибудь успокоительный укол, говорила, что я даже не могу сидеть, не то что работать. Но Экрам налил мне полный стакан турецкой водки и сказал, что это самое лучшее успокоительное. Я выпила его до самого дна и в самом деле почувствовала себя лучше. Ты когда-нибудь пробовала турецкую водку?

– Когда с Костиком отдыхала. Такая гадость. На микстуру

от кашля похожа.

– Меня тоже наизнанку всю вывернуло, но затем ничего, полегчало. Если тебе тоже плохо, ты сходи к Экраму, попроси и тебе налить. Он не откажет. Я сегодня опять пошла, и он мне еще налил. Может, сопьюсь. Да какая мне уже разница. Мне терять нечего. Эти турки такие странные. Одни трахают с каменными лицами и даже словечка не скажут, а другие это проделывают с такой ненавистью и злобой, что кажется, будто еще немного – и они тебя на тот свет отправят.

– Господи, как там мои дети? – я тихонько всхлипнула, но поняла, что даже на то, чтобы заплакать, у меня просто нет сил.

– Не переживай. Ты же их не с чужим человеком оставила, а с собственной матерью. Денег на первое время тоже дала. Господи, могла ли я даже подумать, что настанет время, когда я стану проституткой... Я бы никогда в это не поверила. Никогда. Правда, у меня была одна знакомая, которая этим занималась...

– У тебя была такая знакомая?

– Ну да. Анька Журавлева из параллельного класса.

– Анька работает проституткой?

– Да, и уже порядочно. Она раньше работала при казино. Присаживалась за какой-нибудь столик, где играют богатенькие Буратино, говорила, что она приносит удачу.

А многие клиенты казино, азартные игроки, специально снимают проститутку, верят, что она обязательно принесет

удачу. Так вот, иногда Анька пела при этом казино, прохаживалась вдоль столиков, фланировала по залу, а в штате казино она числилась как единица рекламного стиля. Со стороны все так шикарно: красивая, стройная Анна в дорогом платье, с длинными волосами, мужчины буквально сворачивают шеи... А один раз я приехала к ней на рюмку чая и увидела совсем другую картину. Анька обхватила голову руками и ревела навзрыд. Она рассказала мне о том, как тяжела ее жизнь, что с ней на работе может произойти все что угодно. Говорит, однажды какой-то в пух и прах проигравшийся буржуй просто потерял рассудок: заставил Аньку раздеться догола и возил ее в таком виде в машине по всей Москве, а затем остановил машину и заставил идти три квартала по улице до его дома. Слава Богу, была глубокая ночь и все жильцы спали. Затем она снималась на какой-то порностудии.

– Анька? Но ведь она в школе была отличницей...

Она же школу с медалью закончила!

– Толку-то с этой медали... Эта студия была расположена в какой-то бывшей коммуналке. А декорации там были вообще упадешь. Гинекологическое кресло для сюжета с врачом и большой офисный стол для сюжета с начальником. Она снималась днями напролет и верила, что когда-нибудь кассета попадет на Запад к какому-нибудь солидному порнопродюсеру, который оценит Анькину фигуру и ее профессионализм и пригласит ее на съемки в Германию или Швецию за хорошие гонорары, на которые затем можно будет безбедно

жить. Ей никогда не нравилась Чиччолина. В глубине души она мечтала о карьере Илоны Сталлер.

– И что теперь с этой Анькой? Она так и работает проституткой? Все-таки в нашем возрасте надо уже как-то определяться...

– Анька вместе со своей коллегой вышла замуж.

– Она вышла замуж?!

– Вышла. Да только такого замужества даже врагу не пожелаешь.

– За кого она вышла-то?

– За иностранца.

– Вот это да.

– Да сейчас выйти замуж за иностранца раз плюнуть. Это совсем не тяжело даже ленивому. Сейчас в Интернете специализированных сайтов выше крыши.

Кстати, этими сайтами пользуются все брачные агентства, только разница в том, что в брачной конторе ты выложишь за эту самую информацию около двух тысяч рублей. Так вот, Анькина коллега по бизнесу вышла замуж за какого-то техасского ковбоя. Ты можешь себе это представить?!

Это же просто караул!

– А что в этом страшного?

– Да то, что Техас – это типичный сельскохозяйственный штат и жизнь в нем еще хуже и тоскливее, чем в самой захудалой и отдаленной российской глубинке. И коренная москвичка уехала жить в этот самый Техас! Это же все равно

как если бы она поселилась в каком-нибудь колхозе «Красный лапоть». Первые два года эта девушка не могла получить вид на жительство и жутко боялась, что ее выгонят из страны. Она ждала, что муж будет ее содержать, потому что все россиянки представляют себе жизнь в Америке типа того, что жена сидит дома, муж ее содержит, дарит меха, машины, бриллианты... Но на деле все оказалось не так. Мужковбой не давал ей денег даже на карманные расходы, запрещал общаться с соседями и заставлял целыми сутками стоять у плиты и работать на огороде. Он сделал ее тихой домашней рабыней. Виза невесты действительна в течение девяноста дней. Ковбой под каким-то предлогом не успел зарегистрировать брак с Анькиной коллегой, и она автоматически превратилась в нелегалку. Это очень удобно для иностранных женихов.

Они пользуются нашими женщинами на полную катушку, совершая самое настоящее домашнее насилие как душевное, так и физическое, вертят ими, как хотят, а если те хоть слово поперек скажут, грозят сдать их в полицию.

– И что же было дальше с Анькиной подругой?

– Никто не знает.

– Как это?

– Так это. Она перестала писать и звонить. Ее виза невесты давно закончилась. Брак так и не был зарегистрирован. Видимо, сельская жизнь не пошла ей на пользу, и она сбежала от своего заморского так называемого мужа. Где она те-

перь, что с ней – неизвестно. Техас большой. Там огородов много. Ее мать стала ее разыскивать, но все безрезультатно. Обратилась даже в Интерпол.

К ковбою приходила полиция, он сказал, что его русская невеста ушла и не оставила даже записки. Соседи ковбоя, живущие через забор, видели, как он в пылу страшной злости, когда она из последних сил корчилась на огороде, избивал свою невесту рукояткой лопаты и граблями по спине. В общем, от этой девушки уже год нет вестей.

Ее родители считают, что ковбой забил бедняжку на смерть на этом же огороде и закопал. Неизвестно, жива она или нет. Вот тебе и заморское замужество.

– А как сложилась Анькина судьба?

– О ней тоже ничего неизвестно.

– Она что, тоже вышла замуж за ковбоя?

– Анька влюбилась в какого-то негра, афроамериканца по-ихнему, и вышла за него замуж. Этот чернокожий мачо оказался многоженцем и только после заключения брака сказал Аньке, что в двух других городах у него тоже есть жены, а это значит, что у него будут длительные командировки. Анька пришла от этого в ужас и стала закатывать мужу постоянные скандалы. Мужу не понравилась строптивая русская жена, и он, не задумываясь, продал ее в какой-то притон.

– Как это продал? – вытаращила глаза я.

– Так это продал.

– Но ведь она живой человек, а не какой-нибудь там то-

вар...

– Она живой товар. Сейчас любой товар в цене, а живой особенно. На него спрос всегда был и будет. Короче, судьба Аньки тоже неизвестна. Никто ее не может найти.

– А почему не посадят ее мужа? Почему к нему не придет полиция?!

– Милая, это заграница, и в ней жизнь еще суровее, чем у нас. Полиция там защищает только интересы своих граждан. А кому нужны иностранки?! Да никому. У нас вроде как штамп что ли на лбу стоит. Если ты русская, значит, ты проститутка. Даже если ты вышла замуж за иностранца, это означает, что иностранец женился на русской проститутке. Анькин муж сказал, что она, мол, собрала вещи, ушла из дому и не вернулась. Этот ответ вполне всех устроил.

– И что, никто ее не ищет?

– Ну, поискали немного и успокоились. Сама знаешь, как тяжело найти человека за границей. Вот если нас сейчас с тобой кто-нибудь захочет найти, то черта с два найдет. Сидим в каких-то горах. Горы да лес. Здесь даже люди не ходят.

– Получается, что выходить замуж за иностранца тоже нет смысла...

– Редко кому везет. Один случай на миллион.

Этой ночью я никак не могла уснуть. Да и о каком сне можно было говорить, если я буквально не находила себе места. Несколько раз подряд я приняла душ, надеясь смыть с себя запах чужого тела. И мне казалось, что этот запах никак

не смывается... Я курила одну сигарету за другой, мысленно нахваливая себя за то, что я взяла с собой так много блоков про запас, словно чувствовала, что денег за работу мне не видать, как своих собственных ушей.

Меня охватывало очень странное чувство, даже слишком странное. Я смотрела на дымящуюся в своей руке сигарету, а затем на свое отражение в зеркале и видела усталую, замотанную женщину, в глазах которой читалось страшное потрясение от того, как распорядилась с ней судьба: из добропорядочной жены и матери она превратилась в самую настоящую проститутку, принимающую всех, кто заезжает в турецкие горы отведать русской экзотики. Мне показалось, что самая важная часть моей жизни исчезла.

Просто исчезла, и все... В этой части остались мои дети, моя мама и мой сбежавший муж. А самое главное, что с этой частью исчезла и я. У меня теперь нет ни паспорта, ни адреса, ни телефона. Со мной нельзя связаться, мне нельзя написать письмо и уж тем более поговорить. Меня нет нигде...

И если я буду услужливо и терпеливо принимать турок по несколько человек в день, то меня надолго не хватит, а это значит, что меня уже больше нигде и никогда не будет.

Встав со своего места, я заглянула в Ленкину комнату и включила ночник.

– Лен, ты спишь?

– Нет. Просто лежу.

– Я тоже. Сна нет. Как подумаешь, что завтра все то же

самое, что сегодня, так жить вообще не хочется.

Сев на низкий подоконник, я положила "руки на колени и заговорила, захлебываясь словами:

– Я, собственно, вот что пришла....

– Что?

– Я хотела спросить, ты в Бога веришь?

– А что? – насторожилась Ленка и тут же села на своей кровати, по-турецки скрестив ноги.

– Да ничего такого. Просто мне это очень интересно.

Ты крещеная?

– Да.

– Значит, ты должна в Бога верить.

– Конечно, верю. Я дома иногда Библию по вечерам читала. Положу Библию на коленки и читаю. Знаешь, как ее почитаешь, сразу легче становится. Намного легче.

Я даже рассуждать по-другому начинаю. Вообще, когда люди Библию читают, они мудрее и чище становятся. Они будто рождаются заново. А к чему ты это спрашиваешь?

Сама-то ты в него веришь?

– Верю. Только не в того Бога, который стоит между людьми и церковью, а в своего Бога. Я вот что думаю: почему же Бог нас не уберег и мы так жестоко вляпались?!

– А Бог и не должен никого беречь. Человек сам отвечает за свои поступки. За то, что мы с тобой в Турцию приехали. Бог никакой ответственности не несет.

– Возможно, но хотя бы поберечь мог бы.

– Человек должен сам себя беречь. Свет, я что-то не пойму, к чему ты этот разговор завела?

– К тому, что, если я сейчас убью Экрама, Бог меня простит или нет?

– Как это ты его убьешь?

– Да хоть как. Убью, и все. Скажи мне, а за убийство Бог наказывает?!

– Ты что, забыла про заповеди? В одной из них так прямо и говорится: «Не убий».

– Ну, а если я покаюсь? Ведь люди же приходят в церковь и замаливают все грехи. Это нормально. Говорят же, что Бог все прощает.

– Если бы Бог все прощал, тогда все бы начали убивать. А хотя кто его знает. Каяться тоже можно по-разному.

Одни просто в церковь придут, свечку поставят и вроде как гора с плеч. А другие искренне каются. Нужно покаяться с душой, чтобы ты сама пожалела о том, что ты совершила преступление. Бог сможет простить только искреннее раскаяние.

– Но ведь я не смогу это сделать. Ты же прекрасно знаешь, что я не буду раскаиваться в том, что убью Экрама.

Просто я не знаю, тяжело жить с этим грехом или нет.

В книгах пишут, что убийцы затем не могут спокойно жить.

Мол, они по ночам очень сильно страдают. Им снятся те, кого они отправили на тот свет. От этого они иногда сходят

с ума, а бывает, не выдерживают и являются с повинной.

– Свет, ты что надумала-то? – Ленкины глаза судорожно забегали, а губа слегка затряслась.

– Ничего. Просто больше я так не могу. Завтра будет то же самое, что было сегодня, и так каждый день... Тебе проще, а у меня дома двое маленьких детей, которые зачеркивают дни в календаре и ждут, что их мама принесет им денежки в клювике...

Встав с подоконника, я поправила халат и направилась к выходу.

– Свет, ты куда? – крикнула мне вслед перепуганная подруга.

– Иду брать грех на душу.

Пройдя по тускло освещенному коридору, я посмотрела на часы и отметила про себя, что уже ровно три часа ночи. Время так называемого глубокого сна. Дернув входную дверь за ручку, я убедилась, что она закрыта, и пошла в противоположную сторону. Впрочем, я и не рассчитывала на то, что входная дверь может быть открыта. Наверно, так думать было по меньшей мере очень даже глупо. Подойдя к комнате Экрама, я тяжело вздохнула и прислушалась.

За дверью была гробовая тишина. Тихонько толкнув дверь, я просунула голову в комнату и увидела дрыхнувшего без задних ног Экрама. То, что турок был мертвецки пьян, не вызывало никакого сомнения. Рядом с ним, на кровати, лежала совершенно пустая бутылка из-под турецкой водки.

Увидев на прикроватной тумбочке мобильный телефон, я быстро схватила трубку и пулей выскочила из комнаты.

У входа в свою комнату стояла Ленка, которая наблюдала за моими действиями со смертельным ужасом в глазах.

– Свет, ты что? – как-то безжизненно спросила она.

– Ничего.

– Откуда у тебя телефон?

– Экрам подарил... – съязвила я и посмотрела на подругу озлобленным взглядом. Меня взбесили ее бездействие, апатия и нежелание бороться с суровой действительностью.

– Как это подарил?

– Молча! – почти крикнула я и закрыла дверь в свою комнату прямо перед Ленкиным носом.

Правда, через несколько секунд я снова ее открыла.

– Свет, ты чего дверьми хлопаешь?

– А ну скажи-ка мне код России. Я хочу домой позвонить.

Ленка слегка потопталась. Затем зашла в комнату и закрыла за собой дверь.

– Давай телефон. Я сама наберу.

– Набирай.

Я протянула подруге трубку.

В тот момент, когда Ленка набирала мой домашний номер, она боялась взглянуть мне в лицо. Увидев, что по ее щеке потекли слезы, я широко открыла глаза и захлопала длинными ресницами.

– Лен, ты чего ревешь-то?!

– Господи, Свет, что ж теперь будет то?..

– И что теперь будет?

– Ты Экрама убила?

– Да не убивала я его. Он дрыхнет в стельку пьяный.

– А как же ты тогда у него телефон взяла?

– Очень просто. Сама подумай, как можно взять телефон у совершенно пьяного человека?! Элементарно.

Тем более что он ему сейчас без надобности. Он, видимо, сегодня что-то со своими дружками отмечал.... И перебрал. Очень даже перебрал.

– Свет, я набрала. Там твоя мама отвечает.

Мне показалось, что я просто задыхаюсь от счастья. Я схватила у Ленки трубку и, смахивая слезы, произнесла:

– Мама, мама, это я. Это твоя дочь Света...

Глава 7

Дальше все происходило словно во сне. Мама рассказала мне о том, что сын не пошел вчера в школу, потому что у него болит живот. Он сидит дома, читает книги, а по вечерам тихонько плачет. Совсем тихонько, потому что мужчинам плакать не положено. Бабушка говорит, что в новой школе он очень плохо сошелся с детьми, можно сказать, что совсем не сошелся. Дети приняли в штыки ученика, который пришел к ним из школы для новых русских. К тому же Сашка честно признался, что его забрали из элитной школы только потому, что от него ушел отец и маме стало нечем за эту школу платить. Тут же за моим сыном закрепилось прозвище «безотцовщина». Его так называли все, даже те, у кого у самих не было отцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.